

попдаданаец

Даниил Аксенов

ВИГНОЛИЙСКИЙ ЗАМОК

Annotation

Веками в этом мире идет война с инопланетными захватчиками. И вот теперь появилась новая сила.

Арт — маг-полководец, которого с детства учили воевать и побеждать. Теперь, на этой Земле, он создаст армию и вступит в сражение. За ним реки крови, но его ведет вперед благородная цель — избавление человечества от угрозы уничтожения пришельцами. Любыми силами. Несмотря ни на что!

Даниил Аксенов

Вигнолийский замок

© Даниил Аксенов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Я родился в конце двадцатого века. Своих родителей не помню, тетя говорила, что они погибли в автокатастрофе, когда я был еще маленьким. В это можно поверить, учитывая статистику происшествий на дорогах. Однако поверить в то, что мое воспитание носило случайный характер, было довольно трудно.

Сначала, конечно, я не придавал этому значения, но, повзрослев, понял, что это самое воспитание не было обычным. Во-первых, темы всех моих детских книг сводились исключительно к двум вещам: сражениям и объяснениям поступков того или иного полководца или правителя. Александр Македонский в тех книгах пользовался большой популярностью, и я знал наизусть почти все его битвы. Например, в возрасте семи-восьми лет для меня не составляло труда воспроизвести на бумаге все известные варианты битвы при Гранике. Во-вторых, мои игры представляли собой сплошные стратегии. Помимо обычных компьютерных стратегий, тетя откуда-то добывала настольные игры. В-третьих, я с ранних лет занимался верховой ездой, легкой атлетикой и фехтованием. Помню еще, что тетя сетовала на то, что искусство сражений на копьях безнадежно утрачено. В-четвертых, тетя обучала меня языку, который, как потом выяснилось, оказался смесью древнегреческого, латыни и франкского. Она выдавала этот язык за португальский, на котором якобы говорил и писал ее дед, знаменитый литератор.

К тете приходили интересные гости, как правило, пожилые мужчины с «профессорскими» бородками. Они почему-то любили разговаривать со мной, хотя, казалось бы, что умного может изречь ребенок десяти лет? Тем не менее гости на полном серьезе интересовались моим мнением по таким вопросам, как: «Почему Наполеон пришел к власти именно тем способом, а не другим?», «По каким способностям он отбирал своих маршалов?», «Что делал бы Александр Македонский, если бы изначально у него было всего пятьдесят человек, а не целая армия?». Когда я обстоятельно отвечал на тот или иной каверзный вопрос, тетя радовалась и гордилась мной. К слову, мои успехи в школьном курсе математики никакой гордости у нее не вызывали.

У меня к двадцати годам голова была забита историческими фактами, сражениями и интерпретациями поступков полководцев. Причем из полководцев я больше всего знал о тех, которые стремились к власти.

Однажды произошел любопытный случай. Мы с тетей встретились на улице с одним ее знакомым, обладателем «профессорской» бородки. Рядом с ним шел какой-то мальчик, которого он представил как своего сына. Я разговорился с этим мальчиком и, к своему ужасу, выяснил, что тот тоже хорошо разбирается в военачальниках и битвах, характерах правителей, а также неплохо фехтует и занимается верховой ездой. Тетя сказала мне потом, что это все — чистая случайность, но кто же в такое поверит?

В те мои печальные двадцать лет я, с подачи тети и ее приятелей, вдруг оказался среди участников необычных соревнований. Они проводились неизвестной мне организацией и требовали знаний истории, логики, умения фехтовать и хороших результатов в легкой атлетике. В соревнованиях принимали участие только мужчины от пятнадцати до двадцати двух лет и весом менее семидесяти пяти килограммов. Второй премией было обучение в одном из лучших университетов Англии и большая стипендия. Первая премия оставалась неизвестной публике, но поговаривали, что это что-то очень крупное. Во время подготовки к

этим соревнованиям я заметил явные признаки нервозности у моей всегда спокойной тети. В день перед финалом она сказала шепотом: «Артур, постарайся получить вторую премию. Сделай все, чтобы получить вторую премию, а не первую. Не спрашивай ни о чем, только поступи так, как я прошу!»

Что ж, я собирался последовать совету. Если вторая премия выглядела полезной и привлекательной, то какой смысл гоняться непонятно за чем, ведь удача и так идет в руки?

Мне удалось не без труда пройти почти все этапы соревнований. На заключительной стадии осталось лишь двое участников: я и парень лет девятнадцати, который воспитывался в строгих спартанских условиях. Мы разговорились с ним, и у меня создалось впечатление, что родители вовсе не любили его. Ведь любящий родитель балует ребенка, а не издевается над ним, подчиняя всю его жизнь бессмысленному режиму и непонятным целям. Впрочем, большинство участников происходили из таких вот странных семей. Еще почему-то было много сирот, которых воспитывали или приемные родители или строгие дальние родственники. Моя добрая тетя на общем фоне выглядела приятным исключением. Но, как бы там ни было, финальную схватку на шпагах я проделал.

Тут, казалось бы, пришло время расслабиться. Вторая премия в кармане, просьба тети выполнена... но не тут-то было! Выяснилось, что предстоит еще одно состязание, «небольшой тест», как сказал «профессор-скобородый» судья. Нас с моим соперником отвели в небольшую комнату. Там, на столе, лежали две щепотки какого-то серого порошка и две горстки глины.

К каждому из нас придвинули эти ингредиенты и дали самое загадочное задание из всех, которые я получал в жизни.

«Порошок и глину руками не трогайте, — сказал судья. — Просто постарайтесь сделать так, чтобы глина изменилась. Пусть хоть цвет изменит, что ли. Или консистенцию. Что угодно пусть произойдет, меня устроит любое изменение. Каждого из вас уже подвергали сходной проверке, но вы были совсем маленькими и вряд ли это помните».

Ничего более нелепого я не слышал. Ну как, спрашивается, можно изменить глину, если к ней не прикасаться? Я мог бы смешать ее с порошком, поплевать на нее в крайнем случае, чтобы как-то размягчить... но все это требовало участия рук. Однако судья от нас не отставал. Он торопил, давал какие-то советы, требовал, чтобы мы думали об этой проклятой глине и ни о чем больше.

Я так устал за время недавних схваток, что мне было уже все равно, о чем думать. Если это задание на абстрактное мышление, то судья выбрал плохой момент. Не нужно было нас так нагружать в последний день! Я задумался о цвете коричневой глины лишь в юмористическом ключе и представил себе, как было бы забавно, если бы она вдруг стала малиновой, словно физиономия пьяницы, которого я видел на прошлой неделе.

Каково же было мое потрясение, когда глина все-таки начала изменяться! Она не просто приобрела розоватый, а потом и малиновый оттенок, но и стала выпячиваться, даже можно сказать, пузыриться! Я обернулся к судье, чтобы призвать его в свидетели чуда, но он совсем не удивился. Наоборот, деловито поглядывая на часы, судья сказал, что изменения в моей глине больше, лучше и наступили быстрее! Только тогда я посмотрел на своего соседа. Его глина слегка почернела и совсем не выпячивалась.

И тут судья заторопился вовсю. «У нас мало времени, — заявил он. — Очень мало. Победитель — Артур! Поздравляю!» Я не успел даже толком осмыслить сказанное, как меня подхватили под руки и повели, скорее, потащили в соседнюю комнату. Там, посередине,

располагался выложенный плиткой небольшой мелкий бассейн без воды. Мы остановились у самого края и принялись чего-то ждать. Судья нетерпеливо прохаживался с часами в руках, а его помощники находились за моей спиной.

Я спрашивал, что мы здесь делаем, и где же мой приз, первая премия, но мне отвечали невпопад. Все смотрели на бассейн. Вскоре выяснилось, что не зря. Самое дно бассейна вдруг покрылось синеватой пленкой, превратившейся в шаровидное голубое сияние.

«Пора!» — взволнованно приказал судья. Его подручные немедленно отреагировали. Они просто схватили меня за плечи и швырнули в это сияние! Пока я долго летел куда-то вниз, мне показалось, что слышу голос тети, которая кричала: «Верните моего мальчика! Отпустите его!»

Очнулся я в каком-то лесу. Уже не было синего сияния, вокруг лишь шевелилась трава да скрипели деревья.

Я сел, прищурил глаза из-за полуденного солнца и увидел прямо перед собой жуткого монстра. Рост этого существа достигал двух метров, а небольшие крылья и красноватая кожа придавали ему сходство с демоном. Я поступил так, как поступил бы любой человек в такой ситуации: вскочил и бросился бежать со всех ног. У меня даже мгновенно возник план: если существо передвигается быстро, то я мог бы домчаться до густых деревьев, запрыгнуть на ближайшее, а потом перескакивать с ветки на ветку, словно обезьяна, глядишь, и оторвался бы.

Этот план был идеален для текущей ситуации и, как всякая идеальная вещь, с позором провалился. Я сделал несколько шагов, споткнулся о скрытый в траве камень и полетел вверх тормашками. Мне удалось сгруппироваться, упасть правильно, но монстр уже был совсем рядом. Он поднял меня, встряхнул как следует, от чего в моей голове зашумело, а потом куда-то потащил. Видимо, это и был обещанный мне первый приз.

Шли мы не очень долго. Ветки били меня по голове и голеним. Я изворачивался, чтобы освободиться, даже несколько раз ударил ногой краснокожее существо и попытался провести болевой прием. Однако мой пленитель был слишком силен. Он только встряхивал меня, призывая к порядку. Таким макаром мы добрались до развалин какого-то замка. Я напоследок стукнулся головой о полуразрушенную арку, и монстр затащил меня в подвал.

Мы спустились по лестнице, а затем краснокожее существо швырнуло меня в большую каменную комнату и закрыло дверь. Я сразу же вскочил на ноги, готовый ко всему. На первый взгляд, темница была пустынна. Свет, падающий из крошечных окон, освещал только ту половину, где я находился. Вторую половину комнаты окутывал почти непроницаемый мрак. Я бросился к двери, осмотрел ее, подергал за ржавую рукоять, а затем подбежал к ближайшему окну. Туда могла бы протиснуться лишь кошка, да и то с трудом. Мои мысли прыгали, как сумасшедшие, я ничего не мог понять! Зачем я здесь? Как сюда попал? Я прокручивал в голове события сегодняшнего безумного дня и не находил ясных ответов.

Не знаю, сколько времени я провел за раздумьями и поисками выхода. Мне пришлось обшарить всю комнату, даже темную ее часть, но ничего не обнаружилось, кроме холодных камней, влаги и пыли. Дерзкие мысли не оставили меня и планы побега пришли на смену попыткам объяснить происходящее. Хотя не знаю, что именно я бы предпринял, до чего бы додумался, если бы вдруг не услышал, как ко мне кто-то обращается.

Скрипучий голос доносился из темноты, создавалось впечатление, будто кто-то прячется за стеной. К своему ужасу, я узнал тот самый загадочный язык, которому меня обучала тетя.

«Так ты и есть обещанный мне маг-полководец? — с насмешкой спросил голос. — Ты суетлив слишком. Хотя это наверное потому, что молод. Но тут моя вина, я всегда сам говорил, что только молодые открыты для нового».

Эти слова не только ничего не прояснили, но еще больше все запутали. К счастью, я уже успел прийти в себя и ответил так, как ответил бы любой, желающий сохранить трезвый рассудок: «Где я? Кто ты?»

Голос рассмеялся, что звучало довольно противно. «Все так спрашивают, — заявил он. — А мне нравятся те, кто отличаются от других. Мне обещали человека с широкими взглядами. Но я что-то таких не встречал. Люди одинаковы что там, что здесь. Все хотят жить подольше и получше, а делать для этого поменьше. Хотя вы знаете много чего, но, с другой стороны, не знаете того, что знают местные. Однако в местных я разочаровался и скоро разочаруюсь в вас. Ты находишься в Вигнолийском замке, в его развалинах. Вокруг нас лес, в котором человеку лучше не задерживаться. Я специально послал голема к твоему прибытию, чтобы он доставил тебя сюда в целости и сохранности. Теперь нужно понять, что мне подсунули на этот раз и стоишь ли ты трудов. А называть меня можешь просто — Вилли».

Я задал еще множество вопросов, которые голос, вероятно, счел ненужными, но, по крайней мере, терпеливо ответил почти на каждый. Постепенно выяснились поразительные вещи. Оказывается, я находился в другом мире. Точнее, в прошлом этот мир и наша Земля были единым целым, но по вине каких-то пришельцев раздвоились примерно две с половиной тысячи лет назад. Между Землями все еще сохранилась связь и периодически возникали «синие пробоины», как выразился Вилли, через которые можно было проходить не только небольшим предметам, но и людям общим весом до семидесяти пяти килограммов. Одна из таких пробоин находилась в Вигнолийском лесу и, что интересно, ее появление можно было предсказать. Она возникала на несколько секунд с промежутками в один месяц, два дня и двадцать лет. Потом цикл повторялся.

Лет сто шестьдесят назад к развалинам Вигнолийского замка примчался выходец из моего мира. Примчался потому, что за ним гнались обитатели леса. Вилли спас его, а потом отправил домой. С этого началось сотрудничество между ним и тайным обществом, которое тот человек основал. Впрочем, насколько я понял Вилли, к этому Обществу он относился с иронией и насмешкой, не считал его могущественным и нужным. Вилли даже пошутил (если это вообще была шутка), что хорошую атомную бомбу Общество не могло достать, а ничего другого ему и не надо. Он говорил, что маг-полководец из другого мира ему тоже не нужен, и что Общество, пытаясь быть полезным, шлет ему всякую фигню. Я так понял, что это общество просто навязывалось к нему в союзники. Меня он после первого знакомства, скорее всего, отправил бы назад, но, к сожалению, я попал сюда в самом конце цикла, ведь «пробоина» откроется в следующий раз лишь через двадцать лет.

Два года спустя

Ночная гроза продолжалась уже час, и я устал смотреть, как молнии продираются сквозь небо, чтобы вгрызться в землю. Моя квадратная кровать с альковым, казалось, вибрировала с каждым ударом грома. Я слез с нее, вдел ноги в войлочные тапочки и отправился в главный зал, размышляя, как мне побыстрее накопить силы, создать нормальную армию.

Какая-то тень в темном коридоре испуганно взмахнула руками, увидев мой силуэт.

— Кто там? Это ты, Ванка? — я узнал одну из служанок.

— Да, господин, — девушка отделилась от стены и приблизилась.

Я не стал зажигать свет, чтобы рассмотреть ее лицо. Вряд ли оно изменилось со вчерашнего вечера. Ванка любила укладывать свои длинные каштановые волосы в сложную прическу, когда несколько косичек переплетались, образуя кольца. Лицо девушки со вздернутым носом и белой кожей казалось мне симпатичным, потому я и пригласил Ванку в замок. Она более-менее справлялась со своими обязанностями, впрочем, как и остальные служанки. Я знал, что Петр часто ругал их за нерасторопность, но меня пока все устраивало.

— Зажги в зале свечи, — я слегка потрепал Ванку за пухлую щечку.

Я не стал спрашивать, почему девушка бродит по ночам. Скорее всего, ей хотелось подслушать, как Никер репетирует новые песни.

Мы вошли в большой зал. Потолок в виде полусферы прятал в темноте росписи. Но время от времени молнии вспышками освещали и сцены сражений, и картины с трубадурами и пастушками.

Я уселся на кресло. Над моей головой возвышалась вырезанная в деревянной спинке баронская корона с семью зубцами.

Ванка бросалась от одного подсвечника к другому, и вскоре освещенность зала перестала зависеть от вспышек безумных молний. Я барабанил пальцами по потертой карте, разложенной на столе.

Покончив со свечами, девушка подошла ко мне.

— Вам не дает спать рана, господин?

— Нет, рана почти зажила, — мне всегда приятно беспокойство о моем самочувствии.

Недавно стрела зацепила мою левую бровь. На месте раны, похоже, останется шрам.

— Что-нибудь еще нужно, господин?

Сейчас мне от нее ничего не хотелось.

— Иди спать. Никер споет для всех завтра. Я попрошу его.

Ванка замялась.

— Ну, что еще? — нетерпеливо спросил я.

— У меня есть просьба, господин.

— Выкладывай, — город-десятитысячник на карте под моими пальцами казался совсем небольшим.

— Я бы хотела взять выходной, а Петр меня не отпускает. Один мой дальний родственник приехал и...

— Нет. Никаких дальних родственников, — мой голос звучал, наверное, сурово. — Знаю я их. И вас тоже. Ты проведешь в замке год, как и было обговорено. Потом получишь деньги, мое напутствие — и вперед. Можешь встречаться с кем хочешь и выходить замуж за кого

хочешь.

Девушка свесила голову и побрела прочь. Я вел себя не так, как местные сеньоры. Те обычно делились своими служанками, даже выдавали их замуж, а я делиться не хотел. Ванка и ее подружки наверняка думали, что дело в том, что у меня нет жены и потому я воспринимаю каждую из своих девушек как собственность. Они ошибались, не в жене дело. Я старался как мог, чтобы уменьшить слухи о замке. Если служанки будут каждый день бегать в город и трепаться там с кем ни попадя, это одно. А если у них строгий контракт, запрещающий лишний раз выходить из замка, это совсем другое.

Город под пальцами начал колыхаться из-за воздушных пузырей между старым пергаментом и столом. Замок, где я жил, присоседился совсем недалеко от городских крепостных стен. Этот город не любил меня. И хотя он формально принадлежал графу, я постепенно склонялся к мысли, что Фоссано должен стать моим.

Каждое утро ровно в восемь я объезжал свои владения. Прохладный воздух проникал в легкие и успокаивал сердце. Туман обнимал ноги лошадей, словно пытаюсь удержать, замедлить шаги.

В тот день я ехал впереди, а чуть сзади меня возмущенно жестикулировал мой друг и советник Никер. Он считал себя поэтом и часто поэтически ругал мой образ жизни. Чуть поодаль важно восседал на белом жеребце Туссеан. Окладистая и длинная борода мага упорно боролась с ветром и часто выигрывала бой благодаря различным маслам, удерживающим волосы вместе. За нами гроыхали оружием и доспехами трое стражников из замковой дружины.

— Мы добьемся лишь того, что к нам начнут подсылать убийц! — глубокий баритон Никера звучал пылко. — Или пойдут войной.

— До этого еще далеко, — безмятежно ответил я, объезжая корзину, оставленную на дороге.

Около двадцати моих крестьян копошились в поле поодаль. Увидев меня, они разогнулись, сняли шапки, поклонились, а потом вернулись к своим прежним занятиям.

— Почему далеко? — Никер никогда так просто ни с чем не соглашался. — Наш сосед, барон Понци, спит и видит, как бы с нами разделаться. Это раз. Бургомистр Фоссано считает, что мы мешаем ему в его делишках. Это два. Местные жрецы полагают, что нам нужно прекратить совать свой нос в их вотчину. Это три. Народ же нас просто боится и не понимает наших действий. А сплетни о тебе вообще дико слушать. Это четыре.

— Они пока еще не готовы действовать, — успокоительно сказал я, присматриваясь к дороге впереди.

Там из-за леса показались два всадника. Один тащил огромные копыя, а другой ехал вроде бы налегке.

— Храмовник с оруженосцем, — наметанный взгляд Никера зрил прямо в корень очередной проблемы. — Еще один! Вот, пожалуйста... И почему нам не затаиться и не притвориться нормальными, будто мы такие же, как все? Деньги есть, замок есть, что еще надо? Реализуй свои планы постепенно, не столь явно.

— Александр Македонский не понял бы тебя, — мягко пожурил я поэта. — Он, к примеру, хотел всё. Весь мир!

— А ты разделяешь взгляды Македонского? — тревожно спросил Никер.

— Нет.

— Слава Многоединому! — раздался непритворный вздох облегчения.

— Он слишком торопился, — пояснил я. — Потому его империя оказалась хрупкой, сразу же развалилась. А надо действовать иначе: откусываешь кусочек, перевариваешь и только потом откусываешь другой...

Никер издал такой звук, будто чем-то поперхнулся.

Храмовник приблизился. Красный круг на белой накидке напомнил мне флаг Японии. Но сам рыцарь на японца не был похож. Из-под шлема торчала светлая бородка, да и рост у храмовника был, вероятно, слишком велик для жителя Страны восходящего солнца.

Мы остановились. Из-за спины рыцаря выехал оруженосец в отлично начищенных доспехах.

— Благородный барон Арт! Мой господин, сиятельный рыцарь-монах Умрехт, имеет честь вызвать вас на поединок...

— Ну, начинается, — буркнул Никер. — Я предупреждал ведь. Это уже второй. Скоро конца им не будет.

— ...хотя мой господин — вызывающая сторона, он, однако, просит господина барона, чтобы разногласия между вами были улажены как можно быстрее. Лучше всего — здесь и сейчас, — оруженосец торжественно закончил речь.

Никер хотел что-то сказать, но я остановил его жестом.

— И в чем же эти разногласия? — ироническим тоном спросил я. — Мне жутко любопытно узнать. Тем более, если я не ошибаюсь, мы с господином рыцарем ни разу не имели счастья встретиться.

Умрехт, человек-гора, шевельнулся.

— Мне не нравятся ваши поступки, барон, — с солдафонской прямоотой пробасил храмовник.

— Какие еще поступки? — я тоже решил не церемониться.

— Вы нанесли оскорбление божьему суду, освободив прислужницу зла, — шлем заставлял голос рыцаря гудеть.

— По этому поводу господин барон уже объяснился со жрецами, — встрял в разговор Никер. — Господин барон ясно дал понять, что дым от костра и сожженных тел летит прямо к замку и вызывает покраснение глаз господина барона. Возможно, господин барон погорячился, когда разогнал толпу и стражников, но он был раздосадован угрозой своему здоровью. Жрецы приняли это объяснение и обещали впредь не жечь преступников за городскими стенами около главных ворот.

— Чушь! — рубанул рукой рыцарь.

Я не стал спорить. Конечно, чушь. Но жрецы, пожаловавшие в мой замок, волей-неволей согласились с этими аргументами.

— Что-то еще, рыцарь? — равнодушно спросил я. — Вы, кажется, упоминали несколько моих поступков.

— Вы убили почтенных Караска и Тодео! — кольчужная перчатка Умрехта обвиняюще нацелилась в мою грудь.

— Но это навет! — снова возмутился Никер. — Я не знаю, кто вам это сказал, сиятельный рыцарь, однако язык того человека лжив. Эти два жреца просто пропали. Никто не знает, что с ними случилось.

— Они поехали в ваш замок! Чтобы расследовать дело о подкупе священнослужителей. И пропали! — гневно заклокотал рыцарь.

— Навет! — живо отреагировал Никер. — Они исчезли по дороге. При чем тут господин барон? Может, они утонули в пруду или с ними еще что-то приключилось.

Я степенно кивнул, соглашаясь с негодованием поэта. Действительно, мало кто знает, что произошло с теми двумя жрецами. Оказалось, что с ними было просто невозможно договориться.

— Что-то еще, рыцарь? — опять поинтересовался я.

— Вы заключаете дьявольские договора, противопоставляете суд церкви своему ложному суду, — загудел храмовник. — Занимаетесь вещами, противными заветам богов. Вам давно следует предстать перед святейшим судом! Долг каждого ревнителя веры покарать вас!

— Жрецы Фоссано не смогли прийти к единому мнению насчет господина барона и тем самым признали господина барона не подлежащим святейшему суду, — Никер говорил с горячим возмущением, отстаивая правду так, будто бы забыл, что лично подкупил четверых городских жрецов. — К тому же господин барон уже сражался на дуэли с другим рыцарем-храмовником, который выступил с такими же обвинениями. А дуэль — это и есть божий суд. Многоединый рассудил, что храмовник пал жертвой наветов, а господин барон — олицетворение добродетели и благочестия.

Я снова кивнул. Мне понравилось быть олицетворением добродетели и благочестия. Но, к сожалению, несколько монахов-рыцарей, живущих в Фоссано, портили всю мою игру. Они слишком всерьез воспринимали свой долг и жутко мешали. Обычные жрецы Многоединого оказались более практичными и сговорчивыми.

— Мой брат Несторо проиграл схватку, да, — с печалью согласился храмовник. — Он выполнил свои обещания и покинул Фоссано. Верхом на плохой лошади и в скверных доспехах. Вы забрали у него всё, барон! Обобрали до нитки служителя богов!

— Господин барон действовал строго по Кодексу, — Никер поправил свою шапку, украшенную зеленым пером фазана. — Господин барон имел право на лошадь, доспехи и оружие проигравшего. К тому же, сиятельный рыцарь, рассмотрите и такой вариант: если бы господин барон был олицетворением зла, то он просто убил бы своего противника. Но рыцарь остался жив. Разве это не говорит в пользу доброго нрава господина барона?

Умрехт никак не хотел соглашаться с этими тезисами, то ли потому, что был слишком упертым фанатиком, то ли просто хотел отомстить за поражение товарища. Никер приводил новые и новые аргументы, и все впустую. В разговор уже включился и оруженосец, и даже мой маг Туссеан, который зычно подтвердил, что наш замок и его обитатели стоят на позициях добродетелей, и горе будет тому, кто в этом усомнится. Из-за упрямства рыцаря дело все-таки дошло до дуэли.

— Я удовлетворю ваше желание о немедленном поединке, — с этими словами я слез с лошади. — И выберу оружие. Мы сразимся на мечях.

— Но копья... — Умрехт обернулся к оруженосцу, который сжимал эти самые копья.

— Я не люблю копья. Предпочитаю мечи. У меня даже нет никакого копья, как видите.

— Я привез запасное. Для вас, — храмовник сумел выжать из себя вежливый жест, чтобы указать на оружие.

Мне хотелось прямо сказать, что он может сделать с этими своими копьями, но я сдержался. Мне вообще была непонятна тяга местных к копьям. В Авиньоне, например, почти все дуэли проходили на мечях.

— Я выбираю мечи, сиятельный рыцарь. Говорю вам уже в третий раз об этом на кассалийском языке. Этот язык вам понятен, надеюсь?

Вместо ответа Умрехт слез с лошади. Его движения стали резкими, словно у раздраженного человека. Конечно, если бы храмовник знал, что я очень плохо владею копьем, то, может быть, и не настаивал бы на этом оружии. Им вбивали с детства всякую чушь в голову. В храмовники шли третьи-четвертые сыновья знатных господ, нередко бывало, что родители отдавали даже пятилетних детей в военные монастыри. И там уж церковники работали над детскими умами на полную катушку, потому что взрослый так просто не проглотил бы всю эту ахинею. Выпускник военного монастыря точно знал, что его долг в том, чтобы защищать главного жреца Многоединого, поддерживать церковные устои и карать вероотступников, служить королю и сеньорам поменьше, а также чтить рыцарский кодекс.

Именно в таком порядке. Защита особы главного жреца стояла на первом месте. Остальные жрецы занимали второе, а светские власти — лишь третье место. Благородные порывы храмовника регулировались рыцарским кодексом. Иногда происходило так, что храмовник убивал женщину или старика за вероотступничество, а потом раскаивался в содеянном строго по кодексу. Такие случаи меня поначалу просто бесили, но потом я слегка привык к образу мыслей храмовников и жрецов.

Один из моих солдат помог мне скинуть панцирь. Я остался в кольчуге и вытащил меч. Умрехт не стал избавляться от доспехов. Он обнажил свой полуторник, и веселье началось. Сильные и резкие удары храмовника в сочетании с отменной реакцией вызывали уважение. Умрехт показал себя выносливым бойцом. У него был только один небольшой недостаток: рыцарь плохо дрался. Старинный «французский» стиль, который я встречал тут сплошь и рядом, нельзя назвать хорошим фехтованием. Это просто издевательство над искусством, когда боец стоит как вкопанный, а если и делает шаг, то только для атаки. Я же прыгал с мечом вокруг своего неуклюжего противника, валял дурака, но мое раздражение накапливалось. Меня выводил из себя вовсе не бой, а сам факт того, что какой-то болван имеет возможность вызвать меня на поединок, и я, как кузнечик, вынужден скакать вокруг этого болвана.

Неужели мне больше нечего делать? Да у меня полно неотложных забот. Нужно закончить обход территории, решить вопрос с проклятым колодцем, в котором пропала вода, поговорить кое о чем с дядей Вилли, проверить серебро, которое доставили вчера, узнать, как продвигаются дела в кузне... и это только малая часть моих хлопот. Вместо всего этого на потеху публики я обрабатываю очередного храмовника, которого с удовольствием сбросил бы в реку прямо в доспехах, если бы, конечно, никто этого не видел.

Дуракаваляние мне вскоре наскучило, и я закруглился. Раненный в ногу храмовник оказался на земле. Надо отдать должное Умрехту, он не удивился, потому что заранее понял, что к этому все идет.

— Вы выиграли, барон, — церемонно сказал рыцарь, развалясь в пыли. — Возьмите мой меч!

Конечно, я взял меч. А также взял доспехи и, разумеется, коня. Я бы вообще отправил этого рыцаря в город в одних подштанниках, но Кодекс ничего не говорил о том, что победитель имеет право также и на одежду побежденного.

Я научился делать птиц и насекомых, но крупные животные пока не получались. Вот уже месяц в свободное время я безуспешно бился над созданием небольшой собаки. У меня выходил лишь нежизнеспособный уродец, и дядюшка Вилли смеялся надо мной своим противным скрипучим смехом. Сегодня этот смех долго шелестел в ушах и стучал в мою голову.

Я вышел от весельчака Вилли, поднялся по узким серым ступеням, миновал вечно неподвижного дядюшкиного стражника и оказался во внутреннем дворе замка. Здесь кипела жизнь. Один из моих крестьян упустил живого гуся, которого тащил на кухню, и теперь пытался вместе с сыном поймать его. Смысленный мальчик лет семи старательно обходил большую клумбу, покрытую ростками цветов. Эта клумба занимала самое почетное, центральное, место во дворе замка и принадлежала моей ключнице Веронике. Костоправ Цимес о чем-то болтал с одним из солдат гарнизона. Цимес никогда не снимал кожаный фартук и был похож на кузнеца. Сам же кузнец почему-то ругал тощего подмастерье, грозно размахивая большими щипцами.

— Ты его хочешь убить этой штукой? — я остановился рядом с покрытым копотью плечом Мика.

— Доброго вечера, господин барон! — кузнец коротко поклонился. — Не собираюсь я его убивать, а просто хочу дать ему пинка под зад и отправить побираться к чертовой матери. Он не на что больше не способен! В горне почти погас огонь, в то время как этот стервец занимался черт знает чем!

Подмастерье смотрел в землю. На вид ему было лет четырнадцать. Из всей его неказистой шуплой внешности оттопыренные уши привлекали к себе наибольшее внимание.

— А что же он? Заснул? — спросил я. — Не выпался?

— Да куда там, дрых как сурок всю ночь, — горячо отверг мои предположения кузнец. — Я же помню ваш приказ о семичасовом сне для челяди. Он просто лентяй! Ему было лень поднять свой зад и проверить горн!

— Так ты лентяй? Это так? — я ожидал ответа, но подмастерье молчал. — Ну что ж, Мик, он исправится, полагаю. А если нет, то его ждет судьба Жульена из соседней деревни. Вряд ли он такое себе желает.

Подросток поднял голову и посмотрел на меня, не решаясь задать вопрос.

— Хочешь знать, что случилось с Жульеном? Так он тоже был ленивый, как ты. Его отовсюду выгоняли, и в конце концов он занялся разбоем с другими такими же. Повеселился месяц другой, пока кое-кто его не поймал и не повесил на большом дереве. Постой... а кто же его поймал-то? А, вспомнил. Я это был! — я хлопнул подмастерье по плечу. — Исправляйся давай! А ты, Мик, погоди, не выгоняй его. Кажется мне, он начнет стараться.

— Как угодно, господин барон. Я с ним уже измучился. В глазах кузнеца темнела безнадежность, а во взоре подмастерья, наоборот, сверкал страх.

Сбежавший гусь сумел закрепиться посередине клумбы, и никто: ни крестьянин, ни его сын не решались топтать цветы ключницы. Они бегали вокруг, размахивали руками и с опаской озирались на меня. Мне казалось удивительным: эти-то чего меня боятся? Я им, в отличие от соседей-баронов, ничего плохого не делал: не травил их посевы лошадьми, не жег дома, не похищал молодых девиц. Наоборот, я постарался донести до каждого свои

требования и дал понять, что сверх того от них ничего не хочу.

— Арт! Арт! — раздался знакомый баритон.

Я обернулся и, конечно, увидел Никера, спешащего ко мне. Певец посеял где-то свою любимую шапку с пером, и теперь его длинная коричневая шевелюра трепалась на бегу, как камыши в бурю.

— Арт! Ну, все, теперь у нас настоящие проблемы! — Никер начал говорить, только когда приблизился, чтобы никто не слышал. — Похоже, война.

Я кивнул на большую полукруглую дверь, и мы направились в главный зал.

— Какая война? С кем? — звук моих шагов утопал в ковре, наброшенном на широкую лестницу.

— С нами! С кем же еще? Барон Праст. Он уже собирает рыцарей и ополчение!

Я не отвечал, пока не уселся в свое кресло, украшенное короной. Никер остановился рядом, у разложенной на столике карты.

— А чего это он? Пронюхал что-то о наших планах?

Я недолюбливал Праста. Мерзкий тип, скупердый и задира, он почему-то считал себя выше меня и при случае всегда хвастался, что может стереть с лица земли мой замок. Вроде как шутил, но адекватный человек на эту тему шутить не станет. Я хотел при случае укоротить ему язык, но, принимая во внимание буксующий ход наших военных приготовлений, этот случай представился бы примерно через полгода, не раньше.

— Нет, Арт. Вчера Антуан убил его брата. Я только сейчас узнал.

Мои руки снова легли на карту и принялись двигаться, будто измеряя расстояние от нашего замка до замка Праста. Антуан — наш десятник, многообещающий и честлюбивый молодой повеса. Я при первой же встрече сказал ему, что он далеко пойдет, если научится справляться со своим гневом.

— Где он?

— Праст? — Никер выдернул другое кресло из-под стола и тяжело плюхнулся на сиденье.

— Антуан.

— У Праста. Его схватили. Наш человек только сейчас передал весточку.

Когда я приобрел замок Лиго и прилегающие земли, то первым делом позаботился о том, чтобы занять союзников в стане соседей и самого графа. Это обошлось в круглую сумму, но дело того стоило.

— Антуан жив?

— Был жив с утра. А как сейчас — неизвестно.

Никер не знал всех подробностей стычки. Вроде бы она произошла в фоссанском трактире. Антуан взял выходной и гулял с приятелем и девицами, а брат Праста напивался с веселой компанией. Что-то они не поделили, в результате — три трупа, включая друга Антуана. Праст сразу же заявил, что дело было подстроено, и что я специально послал своего убийцу за головой его брата. Это выглядело скверно. Другие бароны ко мне относились не очень и вполне могли встать на сторону Праста.

— Задействуй всех, узнай, что произошло, что там с Антуаном и как готовится барон.

— И Розу?

— Да. Если она захочет денег — дай, но возьми расписку.

Розалинда — дальняя родственница жены Праста и заодно его бывшая любовница. Я специально просил Никера применить к ней свое обаяние, и поэт преуспел.

— Арт, может, нам все-таки сдать назад? Не закладывать такие крутые виражи? Этот Праст — лишь начало. Если отобьемся, то за ним будут другие. Получится, как с храмовниками, — Никер беспокойно заглянул мне в глаза.

— Ты что-то предлагаешь? — Мне сейчас не хотелось спорить, я обдумывал сложившуюся ситуацию и взвешивал военную мощь обеих сторон.

— Арт, — Никер воодушевился моим вопросом, — но почему бы нам не стать как все? Мы же выделяемся среди всех соседей, как одинокое дерево в кустарнике. Вот зачем ты переманиваешь крестьян? Ты обещаешь им лучшую долю, защиту, они идут к нам, а соседи скрипят зубами. А что ты сделал с мастеровыми? Половина из них или уже живет в замке, или собирается сюда переехать. А жрецы? Ты бы хоть не насмеялся над ними. Ладно над теми, кто берет наши деньги, еще можно, но над другими зачем? Мы испытываем терпение этих людей, к тому же ты не ходишь в храм. А твой договора? К чему заключать договора со всеми подряд? Ты ведь знаешь, что написано в Тойрре? Что Сатана любит договора! Тебя из-за всего этого подозревают. Даже открыто говорят, что вот у нас завелся прислужник Сатаны, а может быть, и сам Искунитель, собственной персоной.

— Не могу, — сказал я.

— Что не можешь? — Никер удивленно таращил свои голубые глаза.

— Не могу последовать этим советам и залечь на дно. Я понимаю, что ты прав, твои доводы разумны... Но у нас в руках такой шанс, что им нужно воспользоваться как можно скорее. Может, я всегда о нем мечтал. Мы уже несколько раз говорили об этом. Мне не нравилось то, что меня окружает, и хотелось все переделать, встряхнуть хотя бы. Что я мог раньше? Только ждать удачу. И вот она пришла. Что же я буду затягивать наше дело? Хотя есть и другие причины, о которых я пока не могу рассказать.

Никер нахмурился, но едва заметно кивнул.

— А жрецы-то тут при чем, Арт? Зачем ты над ними издеваешься? Вот честно скажи.

Я вздохнул.

— Я не издеваюсь, а изо всех сил сдерживаюсь. Когда вижу их рожи и ту серьезность, с которой они впаривают всякую ахинею... Надо бы с этим полностью смириться, конечно, но пока не могу. Вот просто не могу и все. У всех свои недостатки.

Никер ссутулился.

— А ведь мы могли так хорошо устроиться, Арт... Девицы, развлечения, праздники до упаду...

— Лучше собери гарнизон. Назначь сбор через два часа. А я пока обговорю с дядюшкой Вилли насущные задачи по обороне замка. Нам нужна помощь, но такая, чтобы никто не узнал о существовании дядюшки... иначе нам действительно кранты.

Барон Праст не стал ждать милостей от фортуны, а просто послал людей жечь мои деревни. Как только мне сообщили о дыме, взметнувшемся над северными холмами, я сразу понял, что дело нечисто.

Мы выехали тремя отрядами. Первый вел я, второй — десятник Рупрехт, крепкий старикан, который несколько месяцев назад согласился работать на меня потому, что я помог вылечить его дочь, а третий отряд состоял из мага, двух солдат и толстого трехметрового гориллоподобного голема. Белобородый и представительный Гуссеан делал вид, что управляет этим закованным в сталь чудовищем, но на самом деле до жути его боялся. Маг бы с удовольствием остался в замке, но положение обязывало: владыка голема должен быть при своем слуге. Если бы барон Праст знал, кто на самом деле управляет моими големами, то вряд ли бесстрашно полез на рожон.

Я придержал моих людей и позволил двум другим отрядам зайти с разных сторон. По задумке, мы должны были встретиться в деревне, но план скомкался. Поджигатели почуяли погоню, рванулись и... выбрали самый плохой путь, выйдя прямо на голема. Мне потом рассказали и про тела, падающие в пыль, и про пробитые доспехи, и даже про другого голема в виде медведя, который защищал неприятеля. Только наше создание оказалось мощнее. Оно чуть не загубило вторую часть моего плана — взятие пленных, чтобы обменять их на Антуана. Из пятерых поджигателей выжил лишь один, но зато какой!

Эта девица раньше всех поняла, куда дует ветер, и помчалась прочь, бросив спутников и даже свое медвежьеподобное творение. Но, увы, все дороги оказались перекрыты. Лихая магичка выкатилась прямо на мой отряд. Я когда увидел ее, одетую в стильную черную куртку, украшенную знаком магического ордена Искателей, и брюки для верховой езды, сразу же подумал, что с этой герлой у нас будут проблемы.

Магичка ступала, когда выринула из-за кустов и оказалась перед нами. Она остановилась, попятится коня, но я погрозил ей пальцем и указал на арбалеты в руках моих спутников:

— Слезай, дорогуша. Ты приехала.

Она подумала пару секунд, поджала губы и подчинилась. Ее волосы были настолько черны, что казались блестящими, а карие глаза грозно сверкали. Она вся будто бы переливалась бликами, которые с жемчуга на куртке прыгали на волосы и глаза.

— Нам досталась настоящая красotka, — Никер в красотках разбирался и произнес эту фразу вполне буднично.

— Надо думать, что это ценный товар и обмен состоится, — я мысленно подсчитывал цену одежды и лошади нашей пленницы, чтобы понять, какой статус она занимает при дворе Праста. Выходило, что статус высок. — Сдавай хилу!

Мои последние слова обращались к девице, и та волей-неволей сняла маленький черный мешочек с груди и отдала мне его. Хила — основа этого мира, продукт пришельцев, позволяющий создавать живые и полуживые существа. Даже многие церковники включили хилу в свои священные тексты и признали богоугодным веществом. Получилось, что маги делятся на две категории: настоящие маги, умеющие обращаться с хилой, и все остальные, включая ведьм, подлежащих сожжению.

Из-за поворота выскочила еще одна лошадь, к шее которой прижимался Инкар, солдат

моего гарнизона. Увидев меня, он выпрямился и доложил об уничтожении основного отряда поджигателей.

— А вы и есть знаменитый барон Арт? — магичка выслушала наш диалог с Инкаром и посмотрела на меня слегка прищуренными глазами, явно заигрывая со мной.

— Да, — отрезал я. — Оружие есть? Сдавай!

— Вас легко узнать, — девица протянула Никеру длинный кинжал с инкрустированной серебром рукоятью. — Вы пренебрегаете приличиями и никого не уважаете. Ходят слухи, что вы — правая рука Сатаны, но что-то я пока не вижу в вас ничего демонического.

— Если вы встретите Сатану, то вряд ли заметите в нем нечто демоническое, — хмыкнул Никер. — Скорее всего, он будет выглядеть как обычный человек. Как я, например. Или как Арт.

— Неужели? — магичка заинтересованно изучала меня.

— Сколько вас было? Кто-нибудь сумел сбежать? — я принялся забрасывать ее вопросами.

— Ваш голем-переросток порвал моего мишку, — моя деловитость задела девицу, явно привыкшую к иному обращению. — И остальных тоже. Но мишку мне жалко. Я потратила на него уйму хилы и еще пыталась обучить кое-каким трюкам. Ваш маг, пожалуй, лучше всех, о ком я слышала...

Мне не хотелось уводить разговор в эту сторону, поэтому я устроит форменный допрос, не сходя с места. Магичка отвечала неохотно, иногда с сарказмом и желчью, но все равно многое удалось узнать. Она служила вовсе не Прасту, а пронырливому и беспринципному виконту Листу, претендующему на графский титул. Вчера эти два мерзавца заключили договор о дружбе против меня. Расклад оказался хуже, чем мне думалось сначала.

— Вот что, дорогуша, — я старался скрыть досаду, и, наверное, мой голос звучал отстраненно, — мы с тобой договоримся так. Ты посидишь у меня в замке, пока не организуется обмен на моего человека. Веди себя тихо и скромно, и все с тобой будет в порядке.

Магичка выглядела удивленной.

— Барон, вы тщательно расспрашивали о Прасте, но даже не узнали мое имя!

— Это пока неважно, — я развернул коня по направлению к дыму. — Твое имя мне нужно не сейчас, а к моменту торга с Прастом. Впрочем, сообщи его Никеру, пусть он будет в курсе.

Глаза магички расширились, а ноздри гневно раздулись. Но что там было с ней дальше, я уже не смотрел, а отправился изучать ущерб от поджогов. Вопреки плохим ожиданиям, он был не очень велик: погибло два крестьянина, сгорело пять домов, сдохло три лошади и шесть коров. Кроме того, бандиты уничтожили разметку для новой дороги с водостоками, которую я собирался проложить через всю свою территорию. Но разметка — ерунда, ее нетрудно восстановить.

Ко мне подошел староста деревни, лысеющий мужичок лет тридцати. В отличие от остальных крестьян, одетых в простые холщовые куртки, староста щеголял в настоящем зеленом кафтане. Такую одежду носили значительно южнее, и староста, видимо, выменял или купил кафтан у проезжего путника.

— Каждая семья погорельцев получит компенсацию, — я разговаривал с мужичком не слезая с лошади. — В дополнение я заплачу по три серебряных на переезд на семью. Женщины и дети отправляются в деревни к моему другу Карлу. Остаться здесь нельзя.

Когда будет можно, я пришло гонца.

Староста простер ко мне мужицкие руки.

— Ваша милость! А поля как же? Нам надобна любая помощь!

Я слегка наклонился:

— Повторяю, женщины и дети уходят. Мужчины — как хотят. Если я завтра увижу тут хоть одного ребенка, пеняй на себя.

Староста замолк и отступил на шаг. Он явно не понимал сути приказа. Только половина крестьянских детей доживала до совершеннолетия. Староста привык к этим смертям и не считал их событиями, выходящими из ряда вон. С его точки зрения, обработка полей была более важным делом, чем предотвращение гипотетических убийств. Но я начхать хотел на то, что он там себе думает. Мне принадлежали четыре деревни, около двухсот дворов в общей сложности. Я собирался их всех эвакуировать к соседу, который всегда поддерживает вооруженный нейтралитет, словно Швейцария.

Я резко обернулся, услышав крик. По деревенской разбитой дороге бежала девчушка в сером платье с несоразмерно длинными рукавами.

— Там! — кричала она, показывая запутанными в рукавах руками куда-то назад. — Оно еще живое! Двигается!

— Что движется? — недоуменно пробормотал Никер, который успел закончить разговор с магичкой и догнал меня.

Я медленно поехал вперед, а отряд двинулся за мной, будто гуси за вожаком. Девчушка поравнялась с нами и быстро спряталась за нашими спинами.

Вскоре я увидел развороченную деревенскую ограду, сучковатые палки которой топорщились под самыми неожиданными углами. Недалеко отсюда произошла быстротечная битва с участием нашего голема, который сейчас отдыхал, греясь на солнце в тылу моего отряда. За оградой виднелись изломанные и разорванные тела поджигателей, но не они привлекли мое внимание.

Вблизи дороги в грязной канаве, заполненной мутной жижей, копошилось какое-то существо. Сперва мне показалось, что это какой-то пьянчуга в грязной коричневой шубе, но, присмотревшись, я понял, что передо мной медведь. Точнее, даже не медведь, а окровавленная часть медведеобразного нечто с одной передней лапой, с одной задней лапой и без головы. Движения существа поражали плавностью и даже какой-то осмысленностью и совсем не были похожи на предсмертные конвульсии.

Я обернулся и поискал глазами магичку. Она смиренно сидела на лошади под присмотром двух солдат.

— Это твое? — я показал рукой на канаву.

Магичка подъехала поближе, стараясь не смотреть туда.

— Да. Это то, что осталось от моего мишки.

— А куда ты спрятала энцеф? В живот, что ли?

— В грудь, господин барон. Поближе к сердцу, — девица слегка улыбнулась. Ее зубы сверкнули белизной.

Любой голем состоит из двух отдельно изготавливаемых частей: энцефа, который можно назвать мозгом, и всего остального. Обычно считается, что самая трудная задача для мага — создание качественного энцефа, способного управлять телом и правильно реагировать на изменение обстановки. Маги стремятся предохранить энцеф от повреждений и для этого прибегают к различным методам, в том числе прячут его в глубине тела голема.

— Уничтожить, — я повернулся к Рупрехту и кивнул на канаву.

Десятник слез с лошади, вытащил меч из ножен и несколько раз воткнул его в грудь поверженного голема. Когда Рупрехт замахивался, седеющая борода выглядывала из-под шлема. После пятого-шестого удара голем затих.

— Зачем же? — в голосе магички мелькнула злость. — Я могла бы достать энцеф. Он бы еще пригодился.

Я не стал отвечать, а развернул лошадь по направлению к замку. Вероятно, это dokonало девицу.

— Барон! — завопила она мне в спину. — Вы самый грубый и невоспитанный невежда из всех, кого я знаю! Пусть я у вас в плену, но как вы смеете так обращаться со мной?! Я — младший магистр гильдии Искателей! В моих жилах течет кровь графов! Я не знаю, кто вы и откуда, о вас ходят разные слухи, но я требую соответствующего обращения, приличествующего моему статусу!

Я изумленно обернулся. Прежде бледные щеки магички покраснелись, глаза метали молнии. Положительно, гнев пошел на пользу ее красоте.

— Дорогуша, — я начал вполне примирительно, — не нужно волноваться. Что случилось? Разве с тобой плохо обращаются? Тебя кто-нибудь обидел? Я гарантирую, что если ты будешь вести себя, как подобает пленнице, то с твоей головы не упадет даже волос. Ты под моей опекой до самого обмена.

— Я не дорогуша, — алые губы изогнулись, издав что-то вроде шипения. — Я — Виолетта из рода Иштеров. И я привыкла к тому, что мужчины оказывают мне любезности. Интересуются моим именем, не грубят и не поворачиваются спиной, когда я с ними говорю!

Дамские истерики мне были совсем уж ни к чему, и я пожал плечами:

— Хорошо, пусть будет Виолетта. Только успокойся. Никер, займись, пожалуйста, дамочкой. Она расстроена.

— Дамочкой?! — взревела девица.

— Я — Никер из рода Кустерпсов. Третий сын виконта. Миледи, заверяю вас, вы в надежных руках, в полной безопасности...

Голос поэта звучал успокаивающе, и я поехал к замку, стараясь не прислушиваться к крикам за моей спиной. Это была еще одна странность местного общества, которая не укладывалась у меня в голове. Если человека не убили, а взяли в плен, то он, с моей точки зрения, должен вести себя тихо, спокойно ждать обмен или выкуп и радоваться тому, что выжил. Зачем скандалить и качать какие-то права, которых, кстати сказать, у пленного вовсе нет? Я ведь могу сделать с пленником все, что угодно, даже казнить, и никто мне ни слова не скажет. Однако, исходя из моего предыдущего опыта и рассказов Никера, родовитый пленник будет непременно скандалить, если что не так. Например, если он приговорен к казни, то станет требовать, чтобы его казнили непременно через отрубание головы и никак иначе. Причем в момент казни к нему надо обращаться строго по титулу. Я так и вижу эту картину: вот стоит человек перед лицом палача, готовится проститься с жизнью, а сам бдительно следит за тем, как к нему обращаются, вместо того чтобы напоследок подумать о чем-то значительном, подытожить как-то свой путь. Мне трудно привыкнуть к формальностям, которые я считаю неважными и нелепыми. Да и привыкать к ним не особенно хочется.

В подвал моего замка никогда не проникали солнечные лучи. Здесь обычно царила полутьма: шарообразные светляки, сооруженные дядюшкой Вилли, создавали довольно уютный желто-зеленоватый свет. Когда я садился за большой рабочий стол, то зажигал несколько подсвечников, чтобы улучшить освещенность. Оранжевый свет свечей разгонял зеленое мерцание и помогал глазам сосредоточиться на мелких деталях. Но все равно каждый раз, когда я принимался за изготовление големов, мое сердце сжимала печаль — я скучал по электричеству.

Если создаешь голема, то нужен полный контроль над своими мыслями. Хила отслеживает даже малейший перепад настроения, не говоря уже об идеях, самопроизвольно возникающих в голове. Никаких лишних идей быть не должно!

Я положил перед собой кусок глины и постарался расслабиться. Дядя Вилли не показывался, но, очевидно, наблюдал за моими действиями. Я мысленно обратился к мешочку с хилой на груди и получил привычный ответ: теплая волна скользнула по моей коже. Все готово.

Я подтащил глину поближе и представил щенка — небольшого, с отвислыми ушами и коричневой шерстью. Хила помедлила несколько секунд и принялась за работу. Наблюдать, как кусок глины становится плотью — зрелище не для впечатлительных особ. Сначала хила превращает материал в однородную живую массу, из которой потом формируются кости, мышцы и все остальное, кроме энцефа. Причем нужно продумать заранее, где он будет располагаться.

Если у тебя есть способности к общению с хилой, то потенциально ты можешь создать почти что угодно, любое живое существо. Надо лишь точно знать, что и зачем ты делаешь. Со всякими мелочами хила справится сама, она строит организмы по заложенным в нее лекалам, но конечная цель — это твоя обязанность. Отвлекаться тут — безумие. Мало того что потратишь часть хилы зря, так еще можешь создать нечто опасное, что и без энцефа способно навредить. Я слышал историю о маге, которого его же творение проткнуло насквозь щупальцем. Случайное движение, но магу-то от этого не легче!

Мой щенок почти получился. Внешне он выглядел так, как и задумывалось, вот только ходил очень плохо. Сотворенные с помощью хилы существа способны на примитивные действия и без энцефа: они могут сидеть, стоять и идти, и даже бежать, не меняя направления. Чтобы заставить такое животное идти, нужно просто подтолкнуть сзади, и оно пойдет или побежит, пока не наткнется на препятствие. Ноги моего щенка заплетались, он сделал пару шагов и упал на бок.

— Не вышло! — заскрипел противный голос, доносящийся откуда-то сбоку, из затемненного угла подвала. — Ты плохо думал о ходьбе! Не сконцентрировался!

Я промолчал и поднялся из-за стола, с грохотом отодвинув громоздкий деревянный стул. Ходьба четырехногого существа мне никак не давалась. Я много наблюдал за кошками и за собаками и, казалось, все понял. Но раз хила не могла нормально прочитать мои мысли, значит, нет, не понял.

Я прикоснулся к мешочку с хилой. Он стал полегче. Эксперимент со щенком отнял два-три скрупула, не меньше. А хила ведь стоит дорого. Обучение каждого мага обходится в изрядную сумму.

Мне сейчас не хотелось выслушивать наставления дядюшки Вилли о том, как нужно концентрироваться, я слишком распереживался из-за неудачи. Подумать только, уже которая по счету попытка — и все впустую!

Я вернулся в зал, который служил и местом для приемов гостей, и огромным кабинетом. Мои мысли крутились вокруг злополучного щенка. Что такого сложного в его ходьбе? Вроде бы я думал об обычном собачьем шаге, не о рыси или иноходи. Может быть, в следующий раз попробовать что-нибудь экзотическое? Дядюшка Вилли будет ругаться, что я перескакиваю на сложное, не изучив азы, но мне кажется, что стоит попробовать. Потом мои мысли перескочили на энцеф, и настроение слегка улучшилось. О, тут я оставлял позади многих местных магов. Я думал совсем иначе, чем они, и созданные мной энцефы работали, как надо.

От размышлений меня отвлек Инкар, который был приставлен к магичке в качестве сторожа. Солдат аккуратно вошел в дверь, даже не постучав, и робко протопал до самого стола.

— В чем дело? — я не любил, когда меня отвлекают, а особенно бесцеремонно вламываются в двери. Если удастся сильно разбогатеть и расширить гарнизон, то обязательно поставлю стражу у входа в зал. А может даже, заведу хорошо образованного секретаря.

— Господин барон, прошу прощения, — Инкар говорил с самым сокрушенным видом. Его волосы выбились из-под шлема и свисали на лоб влажными темными пучками. — Но я больше не могу охранять миледи.

— Что случилось?

Бледность на щеках солдата подчеркивала худобу его лица и впалость щек. Я подумал о том, что надо бы увеличить рацион для моих героев. Добавить им каши с мясом, что ли? Или дать побольше фруктов-витаминов?

— Вот, — Инкар дрожащей рукой положил на стол маленький бумажный сверток. — Миледи велела мне бросить это в колодец.

— В какой колодец? — не понял я.

— В нащ, господин барон. В тот, который во внутреннем дворе. Из которого мы все воду берем.

Я с недоумением принялся изучать желтоватый сверток. Его углы были совсем потерты, будто от длительного ношения в тесной сумке или кармане.

— А что там, Инкар?

— Яд, господин барон.

— Яд? — мои брови, должно быть, поползли вверх. — Она хотела отравить наш колодец? Хм... Но зачем это поручать тебе?

Солдат потупился. Он молчал и покусывал губы.

— Говори же, ну!

— Когда я... когда вы приказали, то я... выполнял приказ и сторожил госпожу...

Инкар бы еще долго что-то мямлил, но я уже взялся за дело и начал бросать короткие вопросы, на которые рассчитывал получить ясные ответы. Вскоре свет понимания пролился на ситуацию. Оказывается, неистовая Виолетта всерьез озаботилась тем, чтобы покинуть мой гостеприимный замок, не дожидаясь обмена. Для этого она заморочила голову Инкару. Подумать только, ей хватило суток, чтобы обвести вокруг пальца этого солдата! Она наобещала ему много чего и даже заявила, что после освобождения они будут вместе и ничто не разлучит их. Конечно, не такими словами, а еще круче. Я читал об одной пленнице,

которая обмишурила стража религиозного фанатика, но той понадобилась пара недель. Виолетта била все рекорды.

— И что же ты не отравил колодец, если у тебя с ней все хорошо складывалось? — с чувством поинтересовался я.

— Да так, господин барон... понимаете, сбежать — это одно... я уже и собрался совсем этой ночью... но она дала мне вот это и сказала, что...

— Короче, дамочка решила выжать из тебя по максимуму и перемудрила, — подытожил я. — На побег ты был согласен, но тебе не захотелось травить товарищей.

— И вас, господин барон. Я ведь очень вас уважаю и всегда был верен вам...

— Да брось! — я махнул рукой. — Всегда был верен, а стоило какой-то мышке махнуть хвостом в ритуальном танце, и ты помчался за нею, как большой голодный мыш. Тебе что, деревенских не хватает? Или танцовщиц из Фоссано?

— Так ведь... госпожа... она такая...

— А, возвышенное чувство, возникшее за сутки. Любовь с первого взгляда и до гроба. Иди-ка ты под арест. Доложи десятнику. Нет, я с тобой вместе пойду к десятнику. А то еще отчебучишь что-то по дороге. Я не доверяю жертвам возвышенных чувств. Посидишь под замком, пока мы от девицы не избавимся. Так будет лучше для всех.

Я пристроил новоявленного Ромео в крепкую камеру для провинившихся и незамедлительно нанес визит магичке. Меня сопровождали Никер и Вероника-ключница, та самая, которую я как-то спас от костра.

По пути меня настиг кузнец, который притащил образцы новой стали. Он клялся, что теперь только выпущенная в упор стрела пробьет доспехи. Мне верилось с трудом, кузнец всегда привирал, но я поощрял опыты в этом направлении, ведь единственная рана, которую я получил за последнее время, была именно от стрелы.

Виолетта обитала в просторной светлой комнате на третьем этаже. Дверь туда запиралась на засов снаружи, но в остальном помещение было что надо: большая кровать, круглый стол, стулья с мягкими спинками, шкаф с книгами, в основном с рассказами о путешествиях, пьесами и рыцарскими романами... я считал, что принял магичку по высшему разряду. Около двери сидел Жерар, приятель Инкара.

Мы вошли без предупреждения. Я сразу развалился на стуле, Никер встал рядом, а Вероника скромно пристроилась у стены рядом с длинным красным гобеленом, наверное, изображающим победу древнего рыцаря Гильга над разумным сфинксом-големом Хумбой.

— Чем обязана столь позднему визиту? — магичка читала, сидя на кровати, и при виде нас отложила книгу в сторону.

— Обмен состоится через два дня, — без предисловий заявил я, рассматривая большие карие глаза. — Мой человек отнес весточку Прасту. Барон поначалу не хотел соглашаться ни на какой обмен, но виконт Лист сумел его переубедить. Виконт испытывает к тебе большие и нежные чувства. Ты пользуешься популярностью у мужчин.

— Господин барон, я никогда не встречала большего грубияна, чем вы, — кротко ответила Виолетта, сложив белые руки на груди.

— Не угодно ли отобедать? — спросил я. — У нас сегодня на обед чай с ядом. А ужина не будет, после чая с ядом он не понадобится, на ужине сэкономим.

Магичка вспыхнула и отвернула лицо, наверное, чтобы я не заметил выражение страха и раздражения.

— Этот разговор очень занятен, — я повернулся к Никеру. — Она обвиняет меня в

грубости, а сама хотела травануть пару сотен человек. Грубость — это плохо, а массовое убийство — ничего так, нормально. Напоминает одного нашего знакомого жреца, который упрекал меня в аморальности, а сам по ночам...

— Арт! Не при даме же! — Никер густо покраснел.

— И ты туда же! — я обвиняюще нацелил на поэта указательный палец. — Она пожгла моих людей, хотела отравить весь замок... Да ты бы валялся этой ночью где-нибудь на полу с распухшим синим языком, если бы не счастливый случай... Какая она тебе дама? Или ты имеешь в виду Веронику? Ладно. Эй, дамочка, а почему ты просто не сбежала? Яд-то тебе зачем понадобился?

Магичка быстро оправилась от удара и сейчас дерзко смотрела прямо мне в глаза.

— Ненавижу вас. С той первой минуты, как познакомилась с вами...

— Однако яд ты прихватила с собой задолго до нашего знакомства, — я посмотрел на книгу, которую читала Виолетта. Это было что-то про путешествие к берберам, кочевникам Северной Африки. — Или наша радостная встреча ожидалась? А ты, Вероника, что думаешь?

— Она просто мерзавка, — ключница решила поделиться со мной очевидными выводами. — Нужно ее казнить, господин барон.

Виолетта вздрогнула. Ее глаза потемнели.

— Вы не посмеете, — прошептала она.

— Казнить — это хорошее предложение. Но не могу. Мне надо вернуть Антуана в живом виде. Эй, дорогуша, раздевайся.

— Что? — магичке, наверное, показалось, что она ослышалась.

— Раздевайся давай. Снимай все, чтобы на тебе не осталось даже нитки.

— Это... шутка, господин барон? Или... вы меня насиловать собрались?

— Насиловать? — удивился я. — Мечтать не вредно. Никер громко расхохотался.

— Ну, Арт, ты сказал. Я ведь навел о ней справки. Мужчины на дуэлях гибнут ради ее внимания!

Я отмахнулся и повернулся к растерянной пленнице.

— Сейчас ты разденешься, а Вероника устроит небольшой обыск. Это нужно было сделать с самого начала, но я тут оплошал по причине моего рыцарского отношения к женщинам.

Никер снова засмеялся.

— После обыска тебе выдадут простое платье, в котором ты будешь ходить до самого обмена. Я больше не рискну приставить к тебе мужчину-стражника, тебя будут охранять женщины под руководством нашей Вероники. Познакомься.

Ключница отбросила назад длинную русую косу. Вероника выглядела, конечно, не так шикарно, как магичка, но все-таки совсем неплохо. Пухлые щеки и слегка курносый нос делали ее похожей на деревенскую красавицу.

— Однако мои женщины довольно слабые, и я не хотел бы, чтобы им был нанесен какой-то вред, — продолжал я. — Поэтому тебя закуют в ножные кандалы, а цепь вделают в стену.

— Арт! — Никер возмущенно развел руками.

— Иди к черту, — дружески ответил я. — А ты, дорогуша, раздевайся.

Судя по злому лицу, Виолетта хотела сказать что-то резкое, но вдруг передумала. Она слегка улыбнулась и принялась расстегивать черную куртку.

Никер задвигался. Я же просто наблюдал за сногшибательным зрелищем. Красота

магички не вызывала никаких сомнений. Когда Виолетта следом за курткой сняла белый корсет и обнажила грудь, Никер встал так, чтобы между ним и девицей находился стол. Грудь напоминала крепкие яблоки. Хорошо очерченные розовые соски четко выделялись на фоне белоснежной кожи.

— Продолжать дальше, господин барон? — магичка, казалось, не испытывала никакого стеснения. В уголках ее губ притаилась торжествующая улыбка.

— Продолжай, — подтвердил я, как хотелось надеяться, равнодушным голосом.

Виолетта сбросила сапожки и штаны для верховой езды. Затем магичка выпрямилась во весь рост, чтобы показать нам нижнее белье черного цвета, и медленно сняла его, глядя мне прямо в глаза.

Никер пробормотал что-то неразборчивое.

— Вероника, платье! — распорядился я.

Ключница развернула длинное серое платье, которое принесла с собой, и протянула магичке.

— Зачем же платье? Разве вам не нравится смотреть на мое тело, господин барон? — ее голос звучал так, словно она уже знала ответ на этот вопрос.

— У тебя на плече шрам, — я показал на едва заметный шрамик над левой грудью. — Для меча, шпаги или кинжала слишком узок. Неужели рапира?

Магичка выхватила платье из рук ключницы.

— Это все, что вы заметили, господин барон?! Шрамик, которому десять лет?!

— На нем не написан возраст, — я пожал плечами. — Одевайся быстрее, а то простудишься. Мне бы хотелось, чтобы во время обмена твое здоровье не подкачало.

Виолетта принялась натягивать платье злыми резкими движениями.

— У меня остался последний вопрос, — я встал со стула, который резко скрипнул. — Что ты собиралась делать с Инкаром после побега? Убила бы его?

Карие глаза широко раскрылись.

— Зачем его убивать, господин барон? Он стал бы моим вечным воздыхателем. У него все задатки к этому. И защищал бы меня.

— Задатки, говоришь? — хмуро ответил я и повернулся к поэту. — Никер, ты разбираешься в таких делах, постарайся выбить эти задатки из Инкара.

Между тем барон Праст нанес довольно чувствительный удар. Он захватил мою повозку с товаром. Я бы так не переживал, если бы не возлагал на эту повозку большие надежды. Дело в том, что мне катастрофически не хватало денег. Не могу сказать, что крестьянские хозяйства приносили плохой доход. Зерно, сыр, кожа, шерсть — все поступало исправно, только кому это продавать? У моих соседей закрома трещали от того же зерна, сыра, кожи и шерсти. И у прощельги Понци, и у наглеца Праста и даже у благожелательного Карла товар выглядел идентично. Бедный городок Фоссано просто ломился от такого добра. Если бы я не приторговывал хилой, то на первых порах сидел бы вообще без звонкой монеты. Последние три месяца обещали изменить ситуацию. Я переманил несколько мастеровых: специалистов по доспехам и художественной ковке, ювелира, двух гончаров и скорняков, четырех плотников и одного бондаря. В мои планы входило поточное производство всяких мелочей: решеток, курток, сапог, колец... все, что можно выбрасывать на рынки небольших городов.

Проблема, с которой я сразу столкнулся, заключалась в том, что новый товар оказывался нужным мне самому. Кожаные куртки и сапоги пошли на экипировку сначала солдат, а затем дворовых крестьян и прислуги. Ювелир был такой медлительный, что изготавливал по одному простому изделию в несколько дней. Женщины, живущие в замке, тут же принялись канючить и выстроились в очередь за кольцами, брошками и браслетами. Новые бочки и горшки сразу же покатались на кухню и в погреба замка. Я даже не знал, что у меня такие бездонные погреба и столько хлама, который желательно хранить в бочках! Кузнецы, вместо решеток, засовов и других полезных вещей, производили доспехи и оружие, которых мне тоже не хватало. В результате мои траты только увеличились. Я стал похож на запасливого хомяка, который энергично готовится и к наступательной войне и к долгой обороне. Возникла парадоксальная ситуация: мое благосостояние возрастало, а наличные убывали.

Отчаяние почти захватило мои мысли. Продавать хилу не хотелось, ведь ее поступление не столь велико и, вообще, она предназначалась для экспериментов. Но откуда взять деньги? Словно рыбак, я раскинул сети, чтобы выловить информацию о том, как в моих условиях можно стремительно перейти от натурального хозяйства к твердой королевской валюте. И в один прекрасный день Петр доставил ко мне своего знакомого, который утверждал, что его брат, заключенный в тюрьме Фоссано, знает секрет быстрого производства гвоздей.

Гвозди стоили в два с половиной раза больше, чем железо, из которого они изготавливались. Я провернул в уме простой подсчет и преисполнился самых радужных надежд. Гвозди нужны всем, их несложно сбыть.

— Ну что, будем штурмовать тюрьму? — с энтузиазмом спросил Никер, когда услышал о моих финансовых задумках.

Я за год хорошо изучил Никера и пришел к выводу, что он состоит как бы из двух людей: хорошо воспитанного дворянина и разнузданного поэта-авантюриста. Интересно, кому принадлежала идея штурмовать тюрьму: дворянину или поэту? Первый, начитавшись романов, мог решить, что все так делают, что взятие силой тюрьмы — это обязательный минимум, необходимый для каждого мятежного барона. Второй, поэт, наверняка представил себе романтическую картину, как он в черной маске взбирается по неприступной стене, а потом дарит несправедливо заключенным свободу.

— Мы не будем ничего штурмовать, а пошлем к тюремщикам Рупрехта, он с ними

выпьет, вручит им подарки, и они тихо отдадут нам этого умельца, — ответил я.

Надо сказать, что в тюрьме Фоссано, как и во многих других городских тюрьмах, царил полный хаос. Я подозревал, что этот хаос рукотворный, но доказательств у меня не было. В идеале вновь прибывшие заключенные должны дожидаться графского суда, сидя в камерах на верхних этажах тюрьмы. После суда они либо освобождались со штрафом или без, либо шли на эшафот, либо на рудники, либо переводились в подвалы. На практике с заключенными случалось что угодно. Некоторых сразу отправляли на нижние этажи, о других забывали, отдельных лиц вообще не оформляли, а богатых везунчиков тихо отпускали на все четыре стороны после мзды.

Гвоздарь-самоучка Юлий неожиданно для себя попал в категорию везунчиков. Он оказался в камере потому, что кого-то ткнул топором так неловко, что тот умер. Рупрехт сумел вытащить Юлия из тюрьмы, и тот быстро освоился в моем замке. Он затребовал у меня железо, сталь и деревянные бруски и вскоре изготовил две машины. Одна тянула толстую проволоку с помощью зубчатой передачи, а вторая — нарезала гвозди. Я не очень верил в то, что малообразованный крестьянин мог придумать эти машины. Но в ответ на мои расспросы Юлий упорно утверждал, что изобрел их сам.

Первая партия гвоздей ушла на ура. Прибыль составила три сотни увесистых серебряных ливров с изображением Хлодвига Одиннадцатого. Я собрал товар для второй партии, и вот тут-то подоспел барон Праст, который перехватил повозку, убил моих главных купцов: старика Марка и его сына, а также угнал трех выносливых лошадей.

Когда нам сообщили об этом происшествии, холодная ярость охватила меня. Похоже, мы недооценили ничтожную суть Праста. Он вовсе не собирался нападать на мой замок, а рассчитывал ослабить нас многочисленными укусами.

Я быстро собрал военный совет, который состоял из Никера, мага Туссеана и двух десятников: Рупрехта и Алессандро. Сотника в моем распоряжении пока не имелось, ведь для сотника требуется сотня.

— Этого нельзя так оставлять! — Туссеан всегда говорил зычно, а двигался величаво, за что я его и ценил. Старик Марк был одним из немногих приятелей мага, и, надо полагать, нехорошие эмоции переполняли Туссеана в связи со смертью друга.

— А что мы можем сделать? — Алессандро встряхнул рыжими волосами. — Осадить замок Праста? Так у него сил гораздо больше.

Этот десятник предпочитал действовать наверняка, в отличие от гневливого Антуана.

— Зачем же вот так сразу мстить? — Никер старика Марка не любил и сейчас говорил весьма рассудительно. — Мы ведь собирались отсечь подмогу, которая придет завтра к Прасту. Будем действовать строго по плану.

Розалинда сообщила нам, что барон ожидает завтра подкрепление. Послание женщины выглядело весьма запутанным, из него удалось только выяснить дорогу, по которой прибудет подмога, и примерное время. Численность и задачи отряда остались загадкой.

— Да, не будем распляться, — согласился я. — Неизвестно, с кем нам придется столкнуться. Бросим все силы на завтрашнее предприятие.

— А замок как защитим в случае чего? — Рупрехт, как и Алессандро, ничего не знали о дядюшке Вилли, который мог с честью выдержать не один штурм. Они считали, что в подвале хранятся некие ценности, к которым только я имею доступ.

— Выпустим автономных големов, — я посмотрел на Никера, который кивнул и поправил берет с пером.

— Люди испугаются, попрячутся.

Рупрехт говорил истину — у големов, которыми никто не управляет, была плохая репутация по причине их тупости и непредсказуемости. Человеческие маги, за редкими исключениями, еще не научились изготавливать качественные автономные энцефы.

— Как попрячутся, так и распрячутся, — я поднялся со своего кресла, показывая, что совещание окончено.

Пока мы готовились к атаке на отряд неизвестной численности, ко мне стекались донесения служанок о моей гостье. Магичка вела себя прилично, только пыталась все время расспрашивать обо мне. Ее интересовало всё: откуда я такой взялся, каковы мои планы, действительно ли мне помогает Сатана и почему он это делает. Вероника запретила девушкам болтать с пленницей на отвлеченные темы, но магичка проявила большую искусность в деле налаживания дружелюбных разговоров. Я задумывался об этой женщине и неизменно приходил к выводу, что если сбросить ее с крепостной стены, то наши дела сразу пойдут лучше.

Мы выехали ранним утром. Около тридцати хорошо экипированных всадников и два голема составляли приличную мощь. Туссеан, как обычно, делал вид, что руководит Громилой — закованным в доспехи трехметровым монстром, вооруженным невероятной силой рук и большой палицей, болтающейся на поясе. Я же действительно управлял Вороном — моей гордостью и отрадой, созданной пару недель назад. Едва мысли касались этой черной птицы, то я сразу как-то добрел и расслаблялся. Ворон напоминал огромного ворона, умел летать и даже парить. Дядюшка Вилли не смог сдержать удивления, когда моя хила создала эту птицу. Признаться, я и сам поразился такому повороту. Когда Ворон поднялся на ноги и захлопал крыльями, я ощутил то же самое, что ощущает скульптор, только что закончивший свой первый шедевр. Под влиянием этого счастливого чувства мне удалось преобразовать энцеф так, что Ворон мог функционировать в двух режимах: под моим управлением и автономно. Я его брал в свои краткосрочные походы лишь изредка, но сейчас сделал исключение.

Дорога, сжатая с боков лесом, представляла собой отличное место для засады. Мы расположились привольно: Громила с магом и тремя солдатами с одной стороны, остальные — с другой. Я уселся на траву, достал самодельный бумажный блокнот в кожаном переплете и занялся бухгалтерией: потеря повозки с гвоздями вынудила меня отменить некоторые закупки.

Мы настроились на долгое ожидание, но все случилось довольно быстро. Наш разведчик вдруг подал голос, подражая чириканью зяблика, но только один раз. Это означало, что во вражеском отряде меньше десяти человек.

Едва нам удалось занять удобную позицию, как раздался стук копыт и скрип кареты. Похоже, этот отряд что-то сопровождал. Как только к нам приблизились первые всадники, Ворон, сидящий на дереве, расправил крылья, готовясь атаковать сверху, а Громила одним шагом вышел на дорогу и почти полностью перегородил ее. Лошади противника не вынесли такого зрелища и испуганно заржали, одна пегая кобылка даже встала на дыбы.

Вслед за всадниками выкатилась карета с красным баронским гербом, на котором орел, по моему мнению, похожий на курицу, сжимал лапами широкий и явно бутафорский меч.

Лошади успокоились, и почему-то все замерло. Немая сцена длилась несколько секунд. Потом какой-то храбрый балбес, находящийся справа от кареты, замахнулся копьем на одного из моих воинов. То ли у арбалетчиков не выдержали нервы, то ли они просто искали

предлог для драки, но балбес упал, получив сразу три болта. Досталось и другим: из пятерых всадников сопровождения выжил лишь самый разодетый. Роскошный фиолетовый плащ с золотым шитьем спас его. Мои люди явно не хотели выслушивать упреки в том, что их действия оставили нас без выкупа за богатого пленного.

Я на секунду снова задумался об арбалетах. Они, конечно, хороши, когда находятся в правильных руках, но проблема в том, что часто эти руки совсем неправильные. Мои доспехи не могли выдержать прямой удар из качественного арбалета, несмотря на все старания кузнеца. Это меня волновало и стимулировало к поиску доспехов получше.

Между тем, когда солдаты стаскивали на землю пленника в фиолетовом плаще и кучера в драном тулупе, Никер подошел к карете и распахнул резную дверцу. Как только поэт заглянул внутрь, его глаза расширились, и он сделал движение, будто хотел снова закрыть дверцу, чтобы не видеть того, что было там, в глубине кареты.

— Что ты нашел, Никер? — с любопытством спросил я, подходя поближе.

— Да вот, полюбуйся, Арт! — поэт очертил рукой полукруг, словно приглашая меня внутрь.

Я в карету не полез, а просто заглянул.

Там, утопая в розовых подушках, сидела девушка, симпатичная блондинка, одетая в белое, расшитое жемчугом платье. В ее руках дрожало вышивание: тот самый герб Праста, похожий на курицу.

— У нас скоро будет не замок, а женская тюрьма, — Никер высказал мои собственные мысли.

— Вы кто, миледи? — поинтересовался я, пытаюсь придать голосу доброжелательность.

Девушка шевельнулась. Ее серые глаза перескакивали то на Никера, то на меня.

— Эмилия... из рода Гуфье, — запинаясь, произнесла девушка.

— Старинный род, — тоном знатока отметил Никер. Я сухо кивнул девушке, что отдаленно напоминало вежливый поклон. Брови поэта устремились к волосам от удивления.

— Миледи, чрезвычайно польщен знакомством, восхищен вашей красотой и... как там дальше, Никер?

— Готов ко всяческим услугам, — подсказал поэт, пораженный моей несравненной вежливостью.

— Ну да... польщен, восхищен, готов... и так далее, — я откашлялся. — Эмилия, а что вы, собственно, делаете здесь, в карете этого мерзавца Праста?

Девушка потупилась, но я решил не давить, а вести себя как можно мягче. Ведь эта Эмилия не сжигала мою деревню и не пыталась отравить весь замок.

Через несколько минут мы с Никером все-таки установили истину. Оказывается, Праст решил жениться и сумел договориться о союзе с довольно приличным родом. Эмилия спешила к своей собственной свадьбе с бароном, которая должна была состояться через три дня.

— Розалинда знала, кто едет и зачем, и специально подбила нас напасть на эту карету, — шепнул мне Никер. — Женщины!

Я кивнул. Мои мысли занимал простой вопрос: равна ли стоимость Эмилии украденному ящику гвоздей?

Во второй половине того же дня, когда мы готовились к обмену магички на Антуана, в мой замок прибыл незнакомец и изъявил желание вступить в войско. До этого времени я формировал гарнизон исключительно из местных. Обычно кто-то кого-то рекомендовал, родственника там или друга, потом мы с Никером и десятниками устраивали смотрины и, если человек подходил, принимали его. Новичок сразу попадал в цепкие лапы Рупрехта, который обучал азам воинского дела, затем Алессандро преподавал искусство обращения с копьем и верховую езду, Антуан учил премудростям обороны замка и действиям в строю, а я — фехтованию мечом. После нескольких недель занятий у нас получался вполне приличный боец, а через полгода такого молодца не стыдно было бы зачислить и в графскую гвардию.

Однако незнакомец прямо сказал, что он не местный, что зовут его Ракшан, что он родился и вырос далеко на востоке рядом с Алтайскими горами. После такого заявления мы с Никером пригласили его в главный зал и созвали десятников.

— Что за Алтайские горы такие? — Рупрехт пригладил жесткую седую бороду. — Кому они принадлежат? Людям или?..

— Или, — сразу ответил Ракшан. — Наш каган Юн-Амрат как-то попытался проникнуть в залы гор. Тысяча магов, десятки тысяч воинов — все остались там. Каган тоже.

Черные глаза Ракшана смотрели внимательно, а его небольшие руки демонстративно лежали на столе, будто показывая, что их владелец прибыл с честными намерениями. Лицо гостя было покрыто многочисленными мелкими шрамами — следами от черной оспы.

— А язык ты где освоил? — Никер, казалось, был озабочен разглядыванием нового синего пера на коричневом берете, который вертел в руках. Но я знал, что мой друг — сама внимательность. — Твой акцент едва заметен.

— Я десять лет жил около Рима, служил герцогу Марио Сценза, — Ракшан отвечал кратко, по-военному. — Но герцог умер, а его сын не сумел удержать владения. Армия распалась. Кто-то остался, а я предпочел уйти.

— Но почему к нам? — Никер указательным пальцем сгибал перо и, казалось, наблюдал лишь за тем, как оно разгибается.

— Я искал перспективного господина, — лаконично сообщил Ракшан, но, убедившись, что мы не удовлетворены ответом, пояснил: — Мне довелось служить нескольким знатным дворянам. Никто из них не преуспел. Граф оставался графом, герцог — герцогом. Они не стремились ни к чему особенному. А для такого небольшого человека, как я, да еще неместного, трудно найти хорошее место в стоячей воде. И тогда я решил поискать господина, который растет, потому что вместе с ним буду расти и я. Во время моих скитаний мне удалось узнать, что недавно около Фоссано появился барон, о котором два года назад еще ничего не было слышно. Но теперь у барона пара замков, а слухи о нем ходят противоречивые. Я решил присмотреться.

— Один из моих замков непригоден для житья, — я наконец вступил в разговор. — И что же, ты хорошо присмотрелся?

— Да, господин барон, — Ракшан посмотрел на меня с уважением. — Ваш замок, где мы сейчас находимся, не такой, каким кажется. Я бы сказал, что нужно не менее двадцати магов, чтобы его захватить. Хотите знать, почему?

Мы с Никером переглянулись. Нам-то как раз было известно, почему Ракшан пришел к

таким выводам. Прежде всего, лестницы, ведущие на стены, недавно перестраивались: ступени стали шире. Кроме того, если судить по свежей кладке, высота двух запертых ворот, выходящих во внутренний дворик, была увеличена до трех метров. И наконец — смутно различимые нечеловеческие следы на глинистой земле. Все говорило о том, что мой замок кишмя кишит големами, даже если сейчас их не видно.

— Главное достоинство моих воинов в том, что они умеют держать язык за зубами, — я уже принял решение по поводу новичка. — Ты был офицером?

— Десятником. Выше не смог подняться. Герцог Марио не любил войну.

— У нас начнешь с низов, а там посмотрим. Платить поначалу тоже буду не много. Я заключу с тобой обычный договор.

— Благодарю, господин барон, — Ракшан встал со стула и поклонился, показав слегка лысеющую макушку.

Рупрехт и Алессандро ушли с новобранцем, чтобы проверить его боевые навыки. Я повернулся к Никеру:

— Что думаешь?

Поэт развел руками, отчего красно-зеленые валики на плечах его жилета смешно задергались.

— Ты правильно сделал, Арт, что принял его. Нам нужны опытные бойцы. Однако, чувствую, что не все сказано, самое главное осталось неотмеченным. Не могу пока понять, что именно. Нужно поразмыслить, понаблюдать за ним.

— А о его рассказе что думаешь?

— Об Алтайских горах? Там действительно лет двадцать пять назад состоялось крупное сражение.

Даже помню стих: «Человеческие маги сгнули в горах». Полный разгром.

— Дядюшка Вилли Алтайские горы особенно не любит. Да и к Альпам относится не очень хорошо. Он часто шутит, что если я войду в силу, то он попросит меня разобраться с Альпами.

— Не говори мне обо всем этом, Арт, — Никер отмахнулся, разом сделавшись печальным. — Я ведь сугубо мирный человек. Люблю веселье, женщин, пирушки... А подобные шутки портят мне настрой. Разве я смогу нормально пить вино, если буду знать, что рано или поздно полезу в Альпы в самое логово этих?

— Такие мысли влияют на вкус вина? — улыбнулся я.

— На вкус жизни влияют! Я лучше сто раз заберусь на крепостную стену какого-нибудь замка, чем один раз спущусь в залы гор.

— Нам уже пора готовиться к освобождению Антуана, — я подошел к окну, чтобы посмотреть, как во внутреннем дворике мои десятники проверяли воинское искусство Ракшана. Новобранец настолько ловко отбивался копьем от Алессандро, что я даже усомнился в том, что последний сумеет победить. А ведь Алессандро — чемпион нашего края! Он обходился мне в восемь серебряных ливров в месяц плюс довольствие, доспехи и оружие.

Через несколько минут мы с Никером уже входили в дверь комнаты, где томилась магичка. Она успела избавиться от тряпья и переделалась в свою обычную черную одежду. Кузнец как раз закончил вынимать железную скобу из стены. Рядом с ним находилась Ванка, готовая собрать строительную пыль с помощью веника и совка.

Вопреки ожиданиям, Виолетта встретила меня без гнева. Наоборот, она казалась милой,

обходительной и жизнерадостной. Я подумал, что магичка готовит какую-то каверзу, но рассчитывал избавиться от пленницы раньше, чем эта каверза удастся. Вообще же, волнение за исход обмена терзало меня. Я благоволил к Антуану и нуждался в нем: такого военного организатора найти тяжело.

Мы выехали из замка полным отрядом: почти тридцать человек, два голема и пленница. Наш путь лежал к единственному в округе высокому деревянному мосту, именно там должен состояться обмен. Я сам выбрал это место и объяснил в письме Прасту условия. Мое и его войско разделяет мост. Праст отпускает Антуана, а я — магичку. Посередине моста они встречаются и бегут к своим. В письме я выразил надежду, что мой десятник будет в состоянии бежать, в противном случае пришлось бы связать ноги магичке и заставить ее ползти, чтобы уравновесить скорости передвижения пленных.

Мы прибыли к месту обмена раньше Праста. Небольшая речка, шелестящая под коричнево-серым мостом, отделяла два берега друг от друга. Глубина оврага составляла метров пять, не больше. Редкие деревья изо всех сил поддерживали своими корнями оседающие склоны.

— Господин барон, вы, наверное, будете рады избавиться от меня, — черные глаза магички смотрели изучающе. Она всю дорогу пыталась заговорить со мной, но я отделялся односложными репликами.

— Да, — я кивнул, изучая извилистую дорогу на противоположном берегу. — Буду рад. Мне нужно как можно больше свободных комнат в замке.

Магичка с досадой поджала губы.

— Наверное, ожидаются еще пленники? Или даже пленницы?

Я не ответил. Виолетта не знала об Эмилии, даже сам Праст еще не был в курсе, что его невеста у меня. Нужно сначала провести один обмен, а потом уже начинать другой.

Количество войск, которое может взять с собой каждая сторона, не обговаривалось, поэтому меня несколько не удивило, когда впереди, с другой стороны моста, замаячила тяжелая кавалерия. Похоже, Праст притащил с собой ядро своих сил.

— Шестьдесят... нет, больше семидесяти! — Никер тоже всматривался вдаль, пытаясь сосчитать количество всадников. — А сколько там големов?

— Сколько магов, столько и големов, — откликнулся Рупрехт.

Я видел штук пять големов — человекоподобных, вооруженных тяжелыми саблями. Не иначе их подготовили для встречи с нашим Громилой.

Магичка наблюдала за мной, возможно, надеясь уловить признаки волнения.

— Антуан с ними? — я чувствовал знакомую волну азарта, поднимающуюся с живота и постепенно охватывающую голову.

— Да! — отозвался глазастый Алессандро. — Он на пегой лошади. Живехонек.

Противник подъехал к мосту и расположился ровными рядами. Доспехи передних всадников поблескивали тускло — облачная погода не позволяла насладиться видом переливающейся на солнце стали. Праст в шлеме с желтым пером прятался где-то во вторых рядах.

Не мешкая, я отправил на другую сторону моста безоружного переговорщика с белым платком, привязанным к шлему. Красс вскоре вернулся с добрыми вестями. Мой враг согласился с тем, что обмен произойдет немедленно. Остальное не обговаривалось, но я думаю, Праст вряд ли притащил бы столько людей, если бы не собирался их использовать.

Спешившиеся магичка и Антуан встали на мост. Я ожидал, что они одновременно

побегут, но Виолетта вдруг обернулась и вложила в мою руку бумагу, свернутую в маленькую трубочку.

— Это вам, господин барон. Я буду ждать ответа.

В это время Антуана все-таки отпустили, и магичка заторопилась к своим. Десятник выглядел не очень, но идти мог. Его лицо напоминало сплошной синяк. Когда Антуан приблизился, я сочувственно тронул его за плечо и показал знаком, чтобы он шел к Туссеану, который притаился вдали за большим деревом. Маг неплохо разбирался в медицине, тут надо отдать ему должное.

Тут же по моей команде около моста выстроились тяжелые башенные щиты. Судя по некоторому оживлению, это действие произвело впечатление на противника. Можно было догадаться, что Праст опрашивает советников: действительно ли я такой дурачок, который надеется остановить тяжелую кавалерию какими-то щитами?

О, да, я считал, что иногда не вредно побыть дурачком. Это провоцирует всяких умников на выгодные мне поступки.

— Как думаешь, Арт, решатся или нет? — Никер нервно сжимал и разжимал пальцы на рукояти меча и невольно оглядывался на свою лошадь, которую увели подальше от моста.

— Решатся, — я чуял, что дело движется к атаке.

И действительно, ряды противника раздвинулись, и к мосту легкими прыжками приблизилось нечто желтое и таранообразное, напоминающее одновременно двухметровую жабу и броненосца. Похоже, это творчество подручных виконта Листа. Вот уж выдумщики.

Впереди меня находился молодой воин Андре. Он держал башенный щит и с тревогой поглядывал поверх него. Появление жабообразного голема отозвалось ужасом в глазах солдата. Андре взглянул на меня, и я сделал успокаивающий жест: дескать, расслабься, все идет по плану.

И тут конница Праста, возглавляемая големом, двинулась через мост, набирая скорость. Атака тяжелой кавалерии всегда выглядит устрашающе. Она предназначена для того, чтобы сокрушить, сломить противника, раздавить его, разбросать по траве, раскатать в блин. Что может быть ужаснее звука лязгающего железа, который неумолимо нарастает, приближается к тебе вместе с рядами массивных копий и мерным галопом рыцарских коней? Конечно, башенные щиты не смогли бы выдержать такого напора. Они разлетелись бы в стороны, подставляя моих солдат под удары копий и копыт. Уже через несколько секунд на нашем берегу чернели бы многочисленные лужи крови, медленно впитывающейся в землю. Так случилось бы, если бы всадники Праста домчались до нас. Но они не сумели это сделать. Когда кавалерия достигла середины моста, он пронзительно затрещал и стал медленно рушиться. Это было интересное зрелище. Голем пытался зацепиться короткими передними лапами за доски, но оставил там только глубокие отметины. Рыцари прыгали с коней, в тщетной надежде ухватиться за что-то прочное. Мост разваливался, придерживаясь какой-то дьявольской симметрии. Сначала рухнули опоры и перила середины моста и тем самым словно передали эстафету соседним балкам, которые одна за другой устремлялись вниз, неуклонно расширяя провал. Лошади и люди летели к реке, чтобы удариться там о размякшую от воды землю или острые камни.

— Слава богам! — Андре не смог сдержать эмоций. — Мост упал! Вот повезло!

— Повезло? — раздался рядом с моим ухом ворчливый голос Никера. — У нашего барона просто так мосты не падают.

Я обернулся к десятникам:

— Пора! Бейте по тем, кто наверху!

И здесь Праст увидел наконец, для чего нам понадобились башенные щиты. Из-за них высунулись арбалетчики, дали залп и скрылись вновь за щитами для перезарядки.

К сожалению, в моем распоряжении имелось только три хороших арбалета и пять неплохих. Остальные оставляли желать лучшего и создавали лишь фон. Вот сейчас Никер с увлечением взводил хлипкий арбалет с помощью приставного рычага. Только очень хорошие стрелки получили качественные изделия, поэт же меткостью не отличался.

Люди Праста заматались. С одной стороны, им хотелось спасти тех, кто сорвался вниз и выжил, а с другой — уйти из-под града стрел. Однако противник быстро организовался и начал отстреливаться. Их арбалеты и луки тоже запели звонкую песню смерти.

Один из моих солдат упал, болт пробил шлем и вошел глубоко в лоб. Я заметил, как новобранец Ракшан подхватил оружие погибшего и стал привычными движениями натягивать тетиву.

— Да попадет уже кто-нибудь в Праста или нет?! — в сердцах воскликнул я.

Однако этот негодяй не только прятался за спинами своих людей, но и отступал. Мы, увлеченные боем, пропустили момент, когда противник принял решение бросить упавших. Люди Праста быстро отошли вместе со своими големами, но оставались в пределах видимости.

На противоположном от нас берегу бились раненые лошади и стонали люди. По моим расчетам, противник потерял человек пятнадцать: пятеро свалились в овраг, остальные пали во время перестрелки. С нашей стороны ранен был лишь один, зато погибли двое: младший сын мельника Тибо и бастард Отис, отпрыск предыдущего барона Лиго и служанки. Последнего мне было особенно жаль, он проявлял недюжинные умения в верховой езде и обращении с копьем, я даже решил сделать его следующим десятником, когда моя маленькая армия еще немного разрастется.

— Что делать будем, Арт? — голос Никера оторвал меня от размышлений о мертвых и вернул в мир живых.

Ситуация выглядела тупиковой, ведь переправиться на другой берег мы не могли — обрыв казался слишком крутым, да и люди Праста, гарцующие вдаль, могли вернуться в любой момент и ударить.

— Раненых не добивать, спуститься в овраг и собрать приличное оружие и доспехи. Потом уходим, — распорядился я. — Да, вот еще, поднимите сюда жабу-голема.

Рупрехт и Алессандро принялись налаживать спуск. Они отправили четверых вниз, те оказали первую помощь вражеским раненым, а заодно забрали их доспехи и оружие. Потом с помощью лошадей мы втащили наверх голема, который разбился о камни.

Создание не двигалось, что говорило о том, что энцеф мертв. Кожа существа уже не казалась ярко-желтой, а выглядела сероватой и бледной.

Я наклонился над ним и пощупал сначала бронированные костяные бляхи на голове и спине, а затем суставы конечностей. Меня интересовало, как это существо прыгало и каким образом маг смог изготовить такую костяную защиту. Голем был узкоспециализирован и предназначался для отвлечения противника и взлома обороны. Возможно, существо могло прыгать выше, чем мы видели, но вряд ли слишком высоко — сказывался большой вес.

— Хочешь взять на вооружение эту штуку, Арт? — Никер с удовольствием разглядывал голема.

— Нет. Это напоминает скорее тренировочный, чем боевой образец. Хотя интересно, у

кого есть столько хилы, чтобы выбрасывать ее на создание вот этого.

Я взял кусок кожи вместе с костяной пластиной, чтобы показать ее дядюшке Вилли.

Когда мы вернулись в замок, Антуан уже был здесь. Туссеан отправил его домой сразу же, как только признал годным для дальнего перехода. Я хотел навестить десятника в лазарете, но Антуан спал. Наверное, это был его первый спокойный сон за последние дни.

Только перед самым ужином я вспомнил о записке, которую мне вручила магичка. Любопытство было одной из моих слабостей. Я подошел к большому серебряному подсвечнику, который стоял на столе в моем кабинете, и развернул бумажный свиток. Любознательный Никер заглядывал мне через плечо.

«Дорогой господин барон, — писала магичка, — наши с вами отношения, конечно, не сложились, но еще не поздно все исправить. Я предлагаю вам союз. Надеюсь, долговременный союз. Жизнь научила меня разбираться в людях, и я считаю, что с вашей волей и моими способностями мы далеко пойдем. Передайте ответ хозяину постоянного двора “Лунник”, что в Фоссано. Не беспокойтесь ни о чем, я умею быть преданной своим союзникам.

Ваша Виолетта».

— Пф, — сказал я, аккуратно сворачивая послание, — ну и девица. Однако зачем она дала мне в руки такой документ? Это же измена Листу, как союзнику Праста.

Никер почему-то улыбался во весь рот.

— Арт, ты прав, это выдающаяся девица. Она настолько хитра, что ничем не рискует. Уверен, что уже сегодня наша магичка расскажет Листу о записке и заявит, что таким образом хочет заманить тебя в ловушку.

— Я тоже подумал о ловушке, — равнодушно произнес я.

— Но в том-то и дело, что это не ловушка, — поэт продолжал улыбаться, отчего стал похожим на самодовольного кота. — Я наблюдал за магичкой со стороны, как она на тебя смотрит, о чем расспрашивает служанок, и эта записка окончательно подтвердила мои выводы. Девица влюбилась в тебя, Арт. Поздравляю! Правда, я не совсем уверен, что она это до конца понимает. Ничего, скоро поймет.

Я на миг задумался. Если даже мой друг прав, любовь такой девицы казалась сомнительным удовольствием. Но все равно следовало посмотреть на вопрос шире.

— Вижу знакомое выражение, — хохотнул Никер. — Ты начал просчитывать варианты действий! Я бы, конечно, с этой магичкой связываться не стал, себе дороже. А ты что, настроился получить какую-то выгоду?

— Выгоду? — я подошел к шкафу и спрятал записку в тяжелую железную шкатулку с моим гербом. — Хотя, возможно, она сумеет выдать нам Праста. Это решит часть наших текущих проблем. Но что она потребует взамен, вот в чем вопрос? Очевидно, не деньги.

— Если бы речь шла просто об интрижке, то я бы первый посоветовал тебе попробовать. А что? Магичка-то красавица, хоть и неразборчива в средствах, — Никер улыбаться перестал. — Однако когда я собрал о ней все сплетни, там не было упоминания ни о какой любви с ее стороны. Нашу магичку любили, и еще как, а она — нет. И если ты у нее — первое большое чувство, то... не советую связываться. Она и сейчас опасна, а потом станет во много раз опасней. Поверь мне, Арт, я знаю женщин.

Да, поэт знал женщин и давал ценные советы. Но он и я сильно отличались в нашем видении жизни. То, что полезно для него, не всегда подходит для меня. Я решил отложить вопрос о магичке на потом и отправился ужинать. Повар приготовил рябчиков в черносливие.

Мы с Никером поджидали Эмилию за столом, на котором стояли миски с дымящимся луковым супом, белым и черным хлебом, тремя сортами сыра, рыбой, салатом и, конечно, рябчиками. В честь знатной пленницы, которая не сделала мне ничего плохого, я приказал подать даже вино лучшего урожая и гранатовый сок.

— Завтра мне нужно в Вигнолийский лес. Поеду один, конечно. Обманка-то одна, — сообщил я Никеру. — Дядюшка Вилли соблаговолил поведать насчет сверхпрочной кожи. Надо бы ознакомиться с образцами. Вернусь к вечеру.

Поэт перестал барабанить марш пальцами по деревянному столу и посмотрел на меня с укоризной.

— Ты снова рискуешь, Арт.

— Рискую, но потом риска будет меньше.

— Но это неправильно! — Никер хотел ударить ладонью по черной столешнице, но передумал. — Если тебя убьют завтра, то какой прок от твоих далеко идущих планов?!

Не только поэт не понимал меня, но и многие другие. Я готов рискнуть один раз, чтобы потом, попадая в переделки, многократно сохранить себе жизнь. Это логика обычного землянина, человека технологического мира, привыкшего думать о будущем. Почти все местные считали, что нужно жить сегодняшним днем. Снова парадокс: у меня есть друзья, но в мыслях я ощущаю свое одиночество.

— Мне хочется сделать то, чего, наверное, еще никто не делал, — пояснил я. — Создать идеальную защиту! Ведь чего не хватает магам?

— Ума, — буркнул Никер.

— Этого, конечно, тоже. Но вспомни, как ведут себя маги на поле боя. Они обвешиваются доспехами и стараются держаться в тылу, управляя оттуда големами. А потом одна смелая атака выбивает магов подчистую, а големы, лишённые управления, или переходят в автономный режим, или превращаются в куски неподвижной плоти. По-хорошему, магов надо посадить в бронированный ящик на колесах, я думаю и об этом тоже, но лучше — усилить индивидуальную защиту.

Дверь распахнулась и появилась Эмилия в красном платье, расшитом серебристыми цветами. Я оставил ей весь багаж, в котором хранилось бесчисленное количество шмоток. Что же до раздетого всадника, которого мои люди захватили в плен, то после разговора с ним пришлось его отпустить. Он оказался кузеном Эмилии и к барону Прасту не имел никакого отношения. Мы с Никером заверили его, что с сестрой не произойдет ничего страшного. Я подержу ее у себя, пока не получу выкуп от Праста, вот и все. А если барон откажется платить, то станет ясно, что почтенному роду Гуфье такой скупой и бесчестный жених не нужен.

Девушка поздоровалась с нами по всем правилам: сделала реверанс такой глубины, которая полагается барону.

— Проходите, располагайтесь по-семейному! — я изо всех сил пытался казаться радушным. — Рекомендую наше красное вино. Оно мне досталось от предыдущего владельца этого замка. Четыре года назад в наших местах был отличный урожай винограда.

— Благодарю, — Эмилия присела на краешек стула и даже не посмотрела на еду. — Я не голодна. Не могу даже думать о пище, когда лишена свободы.

Мы с Никером переглянулись. Надо же, перед нами робкое возвышенное создание! Магичка, например, голодать не собиралась, а ела за милую душу, измучив капризами и требованиями нашего повара.

— Отведайте птицу, — Никер кивнул на живописно запеченных рябчиков. — Я сам вам положу. Хотите?

— Нет, спасибо, — Эмилия смотрела в темный угол гостиной.

— Может, вам спеть? У меня тут под столом случайно завалялась лютня, — Никер явно пытался угодить даме.

— Мне не нравится музыка. Я ничего в ней не понимаю.

— А у меня в подвале стоит рояль, — я включился в разговор. — Но я его никогда не вытаскиваю.

— Что такое рояль? — с интересом спросил Никер.

— Что-то вроде клавесина, только больше. Их часто находят в кустах... Впрочем, не будем об этом. Эмилия, если вы не голодны, может, примете участие в нашей беседе? Мы обсуждали, каким образом лучше убивать магов: ударом копья или через повешение на сосне. Никер считает, что повешение неэстетично. Лицо синее, глаза пучатся, да и сама сосна выглядит отвратительно... А вы что думаете об этом?

Щеки Эмилии слегка покраснели.

— Я не разбираюсь в магах и в способах их убийств, господин барон.

— Арт! Прошу, перестань! — Никер все никак не мог привыкнуть к моей манере общения с дамами. — Миледи, простите его. Он — простой рубака-парень, способный только вести за собой военные отряды.

— Господин барон не только на это способен, если то, что я слышала о нем, правда.

— А что вы слышали? — тут же отреагировал поэт, стараясь вовлечь Эмилию в беседу.

Девушка испытующе посмотрела на меня и, видимо, решила, что я не стану ее немедленно пытаться каленым железом или подвергать иным пыткам, если она скажет правду.

— Я слышала, что господин барон — умный и хитрый человек, который часто притворяется другим, чтобы добиться своих целей, и что пока все сходит ему с рук.

Мы с Никером снова переглянулись.

— Кто это вам рассказал, миледи?

— Мне рассказывали разные люди о поступках господина барона. Он ведь знаменитость в наших краях. А уж такие выводы я сама сделала.

Я мысленно поставил плюс напротив имени Эмилии.

Постепенно наш разговор наладился. Никер травил забавные истории о жизни одного своего старинного знакомого, придворного музыканта, я повествовал об огромных големах-ящерах, которые, по моему мнению, раньше обитали на Земле, а Эмилия сообщила, что у нее есть три сестры, которые жутко хотят замуж.

В конце концов, я решил, что пришло время для более доверительной беседы.

— Эмилия, неизвестно, сколько вы будете у меня в плену, поэтому надо узнать вас получше. Чем вы интересуетесь? Чего хотите? Я, например, в настоящий момент хочу прикончить вашего жениха. Сегодня не получилось, но я еще буду пробовать. Заметьте, я не кровожадный, мне все равно, как он умрет. А Никер с недавних пор подбивает клинья к графской дочке. Пока безуспешно. Это наши скромные желания. А как насчет ваших? Вам дорог ваш жених?

— Я его видела только раз, — Эмилия все-таки пригубила вино, — он мне почти

незнаком.

— Но чем же вы интересуетесь тогда? Чего хотите от жизни?

Девушка снова посмотрела на меня, будто раздумывая, стоит ли рассказать о себе. В глазах Эмилии вдруг мелькнули искорки, она явно решила, что стоит.

— Я хочу устроить турнир. Но не рыцарский. Знаете такую игру, как шахматы?

— Знаем, — медленно сказал я, слегка огорошенный ответом.

— Так вот, я бы хотела собрать игроков со всего королевства и узнать, кто же из них самый лучший. Я и сама неплохо играю.

Никер открыл рот, чтобы положить туда кусок рябчика, да так и замер с вилкой на весу. Я оказался более устойчив к такому откровению из уст девушки.

— Ваши родители одобряли это увлечение, Эмилия?

— Вовсе нет. Они говорили, что женщина должна следить за порядком в доме, а шахматы — мужская игра.

— Они в чем-то правы, — Никер пришел в себя наконец. — А еще у вас есть интересы?

— Да. Я рисую.

— Это хорошо! — Никер явно воспрял духом. — Такое увлечение поддержит любая семья и любой муж!

Эмилия кротко улыбнулась:

— Я нарисовала сегодня днем господина барона. Хотите посмотреть?

— Да! — с воодушевлением произнес Никер.

Эмилия достала из длинного красного рукава свиток и развернула его. Поэт сидел рядом с ней и первый увидел рисунок. Никер издал сдавленный звук и схватился за сердце.

— Что там? — заинтересовался я и встал со своего места, чтобы получше рассмотреть творение девушки.

Эмилия протянула мне рисунок. Я взял его и едва не выронил из рук.

— Клетчатый! — мои губы произнесли это сами собой.

На рисунке было изображено нечто вроде черно-белой мозаики, за которой смутно угадывались очертания то ли облака, то ли раненого кита, то ли разбитой японской вазы.

— Что это, миледи? — слабым голосом спросил Никер. — Это вы нарисовали?

— Да. Портрет господина барона. Вам не понравилось? Я вижу, что не понравилось. Мои рисунки нравятся только моему маленькому братику. Ему три года. Но я считаю, что портрет господина барона очень удачен. Видите этот изгиб подбородка? Он выдает волевой и неуступчивый характер господина барона.

Палец Эмилии показывал на какую-то изломанную черную линию.

— Подбородок, да? — с сомнением сказал я. — А это что за метеорит?

Палец девушки сместился чуть левее.

— Ваш глаз, господин барон. Он прожигает насквозь. Я когда увидела ваш взгляд впервые, то чуть не задохнулась от волнения. Но тут я изобразила лишь один глаз, потому что боялась, что второй не получится столь же хорошо. Я ведь только учусь рисовать.

Никер сорвал с себя берет и вонзил пальцы в шевелюру.

— А ваш будущий муж знает о ваших... гм... увлечениях? — выдавил из себя поэт.

— Нет еще, я не успела ему рассказать.

— Слава Многоединому! — искренне воскликнул Никер и воздел руки кверху.

— Почему вы так говорите? — встревожилась Эмилия. — Что вы имеете в виду?

Никер молчал и лишь смотрел на рисунок.

— Я, пожалуй, объясню, — я отложил свиток в сторону. — Никер просто переживает за исход нашего дела. Дело в том, Эмилия, что я собираюсь обменять вас на ящик гвоздей. Если барон узнает, как вы рисуете, то думаю, что ваша цена упадет до половины ящика. А если Прасту станет известно о ваших шахматных способностях и желании провести турнир, то мне придется ему доплачивать, чтобы он взял вас обратно.

Эмилия подняла свиток со стола и засунула обратно в рукав. В глазах девушки мелькнули слезы.

— Я стою гораздо больше ящика гвоздей, господин барон!

— Насколько дороже? — с интересом спросил я. — У вас есть основания полагать, что Праст заплатит больше? Сколько же с него требовать?

Эмилия встала из-за стола с явным намерением уйти, но в последнюю секунду передумала.

— Вы всегда такой, господин барон? Хотя да, я наслышана о вас. Не хотите сыграть со мной в шахматы?

Я оказался готов к очередной неожиданной фразе.

— Потом как-нибудь. После боя у меня голова плохо соображает.

Мы все-таки закончили ужин, и Эмилия ушла.

Никер допивал вино и, судя по нервному покачиванию головой, время от времени вспоминал мой портрет.

— Вот скажи, Арт, — наконец начал он. — Ты ведь практичный человек. Но зачем ты так говоришь с женщинами? Тебе же придется рано или поздно жениться.

Одна из свечей в большом подсвечнике справа от поэта потухла.

— Вот именно, что придется жениться. Поэтому я жду, когда они ответят, — я одним взмахом руки отодвинул посуду в сторону и взгромоздил на стол карту.

— На что ответят? — удивился Никер.

— Просто ответят. Некоторые осыпают меня бранью, другие бросаются в слезы, третьи молча оскорбляются. Никто еще не ответил так, чтобы ответ звучал подходяще моим вопросам. Впрочем... предложение сыграть в шахматы было достаточно близко.

Эту ночь я провел с Вероникой. Девушка любила лежать на моем плече. Вероника почему-то тоже расспрашивала меня о женитьбе. Удивительно, что все об этом говорят в последнее время, словно такая мысль носится в воздухе! Или появление знатных пленниц так повлияло на домочадцев?

— Вот вы женитесь, господин барон, а как же тогда я? — спрашивала девушка, пытаясь заглянуть мне в глаза в темноте. — Вам ведь жена не позволит проводить время со мной.

— Еще рано об этом говорить, — я смотрел на половинку луны за окном. — Неизвестно, когда это случится и кто станет моей женой. Может, ей будет все равно. Может, это будет брак по расчету.

— Если брак по расчету, то наверняка вы выберете дочку какого-нибудь герцога, не меньше, — вздохнула Вероника. — Мне жаль, господин барон... жаль, что я не дочь герцога. Мы бы с вами поладили.

Я выехал рано утром, когда почти все спали, кроме часовых, а солнце еще только зацепилось за верхушки деревьев. Я гадал о том, чем руководствовался дядюшка Вилли, когда решал, что пришло время приобщить меня к очередной тайне. Может быть, он считал, что я готов, и смогу пережить полагающиеся испытания? Или просто стал мне больше доверять?

Вигнолийский лес начинался примерно в десяти милях от замка Лиго. Одиночество

путешествия скрашивал Воронок, который то и дело проносился на бреющем полете над моей макушкой. Я не управлял им, а временно отпустил на волю.

Когда показались первые деревья леса, мое дыхание невольно участилось. В Вигнолийском лесу нет ничего хорошего, это гиблое место, но мне предстояло зайти в его самое сердце... точнее, в одно из сердец.

Я привязал коня к одиноко стоящему дереву. Еще не хватало, чтобы моего Буцефала сожрали или разорвали на куски. Обитатели леса обычно не покидают своих владений.

Воронок приземлился на мое плечо. Пятнадцать фунтов живого веса — это нелегкая поклажа. Я постоял несколько секунд у кромки леса, настраиваясь на грядущие трудности, и шагнул в темноватый просвет между деревьями.

Сначала все шло нормально. Мне попались лишь несколько обычных рыжих белок и толстый хвост гигантской белой змеи. Голова пресмыкающегося скрывалась где-то в чаще и никак не отреагировала на мое появление. Я невольно схватился рукой за обманку, болтающуюся на шее. Плоский темно-зеленый круг размером с ладонь казался слегка мягким, будто пластик. По сути, обманка — это голем, изготовленный одним из знакомых дядюшки Вилли. Необычно обладать големом, который не двигается, но умеет создавать иллюзию того, что его владелец вовсе не человек.

По мере моего продвижения ко Второму Северному, дела начали ухудшаться. Мне повстречался быстрый и ловкий голем, похожий на леопарда и очень опасный из-за своей скорости. Дядюшка Вилли не умел изготавливать таких. Еще я столкнулся лицом к лицу с кем-то, напоминающим Громилу без доспехов. Он прошествовал на расстоянии вытянутой руки от меня, ломая ветки. Надо сказать, что в тот момент я прижался к дереву и изо всех сил сжимал меч, словно он мог бы мне чем-то помочь. И напоследок мимо меня важно прошел Саблист, двуногое чудовище, оснащенное саблями вместо рук. Эти сабли были не из металла, но по прочности не уступали стальным. Я бы хотел узнать секрет их изготовления.

Второй Северный представлял собой бункер-фабрику по автоматическому производству големов в целях поддержания их популяции на постоянном уровне. Родичи дядюшки Вилли собирались долго держать Вигнолийский лес под контролем и понастроили здесь несколько таких фабрик. Когда-то я думал о том, чтобы очистить лес, но пришел к выводу, что потери будут чудовищны. Даже поджигать деревья опасно — вдруг лес выгорит, а големы уцелеют и расплзутся по округе, утратив естественные границы обитания? Поразмыслив, я оставил Вигнолийский замок и перебрался в Лиго.

Второй Северный выглядел как лесной холм, поросший травой и кустарником. Мне пришлось порядком потрудиться и снести груды прошлогодних листьев, прежде чем обнаружился кодовый замок. Не знаю, из камня он был сделан или нет, но мои пальцы ощутили твердость и прохладу, когда нажимали на двенадцать знаков-цифр, напоминающих треугольники, вписанные друг в друга.

Автоматическая дверь открылась наружу. Мне уже приходилось заглядывать в бункер, когда мы с дядюшкой Вилли проверяли коды, но я еще ни разу не был внутри.

Белая лестница, собранная из пластикоподобного материала, почти полностью гасила звук моих шагов. Воронок озирался по сторонам, но видел то же, что и я: светлые плитки на стенах и коридор внизу. Дядюшка Вилли заверил меня, что на верхних ярусах бункера безопасно, неприятности могут начаться лишь ближе к центру, там, где находится голем, производящий боевых големов.

Достигнув длинного коридора, я развернул схему, чтобы сориентироваться, ведь впереди

коридор разветвлялся на несколько рукавов. Воронк теперь рассматривал плоские тусклые светильники, которые напоминали лампочки дядюшки Вилли.

Я свернул направо и не успел пройти и десятка шагов, как столкнулся со стражем. Это было серое уродливое существо высотой в пять футов и с бугристыми утолщениями на правой руке и левой ноге. Голем, очевидно, предназначался для сражений в узких коридорах бункера: массивные конечности требовались, чтобы наносить сильные сокрушающие удары сверху и снизу.

Страж остановился, наклонил приплюснутую голову и принялся разглядывать меня маленькими глазками, защищенными массивными надбровными дугами. Я стоял спокойно, хотя мое сердце билось так часто, словно пыталось обогнать скачущие мысли. И действительно, случилось худшее: голем потребовал пароль.

Серые малоподвижные губы, будто сделанные из толстой резины, слегка шевельнулись и из них вылетели скрипящие звуки. Нельзя сказать, что я совсем не был готов к такому повороту событий. Но одно дело — предполагать, что справишься, и другое дело — совладать с проблемой на практике.

Я вернул контроль над Воронком. Управление големом дает необычное, нечеловеческое ощущение. Кажется, что у тебя появляются дополнительные глаза, уши и конечности. Ты видишь себя со стороны и даже можешь дотронуться до своего тела. У меня, в отличие от местных магов, возникает чувство, будто управляешь аппаратом или машиной с помощью каких-то скрытых датчиков, установленных внутри головы.

Воронк раскрыл клюв и ответил стражу скрипящим звуком, с которым мои голосовые связки никогда не совладали бы. Голем помедлил и отвернулся, утратив ко мне интерес.

Чувство облегчения заставило меня убрать руку с меча. Мои мысли мигом приобрели прежний рассудительный ход. Я даже поразмыслил о том, что любопытно бы узнать, о чем думает этот страж, что творится в его энцефе.

Голем удалился слегка раскачивающейся тяжелой походкой. Я двинулся дальше по белому коридору и вскоре нашел нужную мне панель, почти не выделяющуюся на фоне стен. Моя рука прикоснулась к ней, и панель раздвинулась, открыв вход в небольшую комнату, заставленную толстыми белыми полками.

Возможно, когда-то здесь хранились многочисленные образцы тканей, но теперь полки скалились пустыми ртами. Следуя указаниям дядюшки Вилли, я подошел к одному из углов комнаты и взялся руками за верхнюю полку. Она легко отделилась от стены. Я осмотрел ее со всех сторон, нашел щель и вставил туда кинжал. Раздался треск, и полка расщепилась пополам.

Я нашел там то, что искал: завернутую в прозрачную пленку сухую чешуйчатую кожу и небольшую пластину с инструкциями, написанными мелким треугольным шрифтом. Тонкая кожа не производила впечатления особо прочной, но ничего нельзя сказать заранее, пока не изготовишь голема для испытаний. Я убрал находки в сумку, а потом в первый раз нарушил завет дядюшки Вилли, гласящий, что после обнаружения образца из бункера нужно убираться как можно скорее. Вместо этого я начал снимать одну за другой оставшиеся полки и искать тайники.

По моим расчетам, этому бункеру должно быть больше двух тысяч лет. Но он сохранился хорошо, ведь до сих пор функционировал. Големы изготавливались, обновлялись, а ядро этой фабрики еще не впало в маразм.

К сожалению, тайников больше не было. Я осторожно вышел из комнаты и вновь

оказался перед дилеммой: последовать мудрому совету дядюшки или прогуляться по бункеру. Я не собирался заглядывать во все комнаты подряд, что чревато, но мне жутко хотелось взглянуть на главного голема фабрики. Вилли рассказывал, что этот голем может создавать других големов в больших количествах. Вот бы захватить такого живьем! Хотя дядюшка говорил, что главный голем фабрики нежизнеспособен, если лишить его возможности выполнять свои обязанности. Мне очень хотелось перевернуть здесь и в других бункерах все вверх дном, отключить фабрики или заставить работать на меня, однако проблемой было то, что дядюшка не знал все коды и пароли. Его соратники, канувшие в Лету много веков назад, не доверяли ему.

Пока я обдумывал, надо ли нарушить мудрый завет Вилли второй раз, и посмотреть с верхних этажей на ядро бункера, в коридоре появился еще один страж. Этот был не совсем целый — половина головы отсутствовала: на меня мрачно взирал единственный глаз. Вот уж не знаю, что случилось с этим существом, но простая мысль захватила все мои чувства: примет ли дефектный страж пароль? Может, он вообще ничего не слышит?

Основное правило выживания в моем прежнем мире гласило: берегись автомобиля! В этом мире основное правило: опасайся автономных и дефектных големов! Я не стал ждать, пока страж приблизится ко мне и заспешил к выходу.

Вот тут-то стало ясно, что такое специализированный голем на своем месте. Он только казался неповоротливым, но когда решил включиться в погоню, то разом задействовал все четыре конечности, которые отталкивались от пола, стен и даже потолка.

На всякий случай я приказал Воронку произнести пароль, а сам перешел с быстрого шага на бег. Это оказалось благоразумным решением — голем ничего не услышал и не остановился.

Я отправил Воронку вперед, чтобы он не мешался, а сам продолжал бежать к выходу. Голем явно догонял, и уже перед самой лестницей, ведущей наверх, мне осталось только развернуться и принять бой.

Страж яростно атаковал, используя правую руку, усиленную бугристым наростом. Мне пришлось маневрировать в узком коридоре, чтобы не попасть под удар. К счастью, атаки голема оказались довольно стандартными. Если бы не их потрясающая скорость, то, пожалуй, я смог бы завалить бестию, но теперь мне оставалось лишь огрызаться короткими выпадами и отступать.

Лестница с каждым шагом вела меня к спасительному выходу. Если даже голем последует за мной, то окажется вне своей среды обитания и станет не столь опасным.

Дверь наружу открывалась простым нажатием, и я даже не заметил в пыли боя, кто отворил ее: я или Воронок. Мне удалось выскочить из бункера. Я даже успел со злорадством подумать, что пришло мое время и сейчас всыплю стражу по первое число, ведь к сражению на поверхности он явно не приспособлен. Однако голем не стал выходить. Он замер в проходе и стоял там, покачиваясь, пока дверь не закрылась.

Я привалился к ближайшему дереву и отдыхал, тяжело дыша. Воронок снова сел на мое плечо и мягко прикоснулся черным крылом к шлему.

Отдышавшись, я двинулся к лошади, стремясь покинуть Вигнолийский лес как можно быстрее. Здравый смысл требовал анализа случившегося боя, но выводы и так лежали на поверхности. В коридорах бункера мне не хватало защиты, скорости и силы. Без этих вещей вряд ли имеет смысл дергаться и корчить из себя героя. Но меня переполняли планы насчет того, как приобрести столь нужные мне способности или хотя бы компенсировать их чем-то

другим.

Никер встретил меня у входа в донжон. Мой друг явно беспокоился за исход предприятия.

— Как всё прошло? — кратко спросил он.

— Могло быть и хуже, но я получил образцы. Скоро их испытаем. Как Антуан?

Мы прошли в зал, где меня уже давно дожидался завтрак. В положении барона есть много приятных сторон. Ты можешь не концентрироваться на бытовых мелочах — они разрешаются сами собой, если правильно наладить процесс.

— Антуану уже лучше, — Никер садиться за стол не стал, а просто ходил вдоль стены, иногда заглядывая в высокие и узкие окна. — О ссоре он толком ничего не может рассказать, все были пьяны, но дело выглядит так, что Праст в своем праве. Наш десятник прикончил его брата без видимых причин. Праст может мстить. Тут или дуэль, или война. Он выбрал войну, зная твою прыть на дуэлях. Никто из соседей его не осудит, ибо все правильно, по Кодексу. Граф уже знает о конфликте, но вмешиваться не будет. Он ведь не любит ни нас, ни Праста. Почему ты не хочешь наладить отношения с графом, Арт?

— В соседстве с Вигнолийским лесом есть и положительное, Никер, — я налил в кубок виноградный сок и взял с блюда булочку. — Статус всех местных баронств не определен из-за того, что никто не хочет помогать нам в борьбе с лесом. То ли мы подчиняемся графу, то ли нет... непонятно. Если я налажу с ним отношения, как ты говоришь, то он потребует с меня вассальную клятву. Этого хотелось бы избежать. Что делает Эмилия?

— Рисует, — скривился Никер. — Работает над сценой своего пленения. Она изобразила себя в виде квадратной лягушки, а нас с тобой — как овальных журавлей, пытающихся съесть лягушку. Предлагаю избавиться от нее как можно скорее.

— Еще есть новости? — я разрезал булочку надвое и положил внутрь кусок мяса так, что получился бутерброд.

— Да. Розалинда прислала план замка Праста и примерный распорядок его дня. Видимо, она совсем утратила надежду вернуть расположение своего бывшего любовника. План так себе, создает лишь общее представление. Но Роза требует большую награду за свои труды.

— Какую именно?

— Большую. Она не уточнила размер. Думаю, что она хочет, чтобы мы ее удачно выдали замуж, если совладаем с Прастом, — Никер с удивлением смотрел на мой бутерброд. — Скажи-ка, Арт, а почему дядюшка Вилли так ненавидит деймолитов?

Бутерброд получился на удивление хороший, его вкус напомнил мне о доме. Хотя я уже скучал не так сильно, как в первые дни моего пребывания в Вигнолийском замке.

— Деймолиты хотят убить нашего дядюшку.

— Но почему, Арт?

Я положил бутерброд на стол. Этот вопрос уже не раз возникал у поэта, который даже не видел дядюшку Вилли вживую. Я всегда уклонялся от прямых ответов.

— А ты как сам думаешь, Никер? Какие у тебя соображения на этот счет?

Поэт перестал ходить вперед-назад, а остановился у стола и красноречиво развел руками.

— Почти не из чего выбирать. Варианты ограничены. Почему дядюшка Вилли помогает

нам? Очевидно, у него какие-то разногласия с деймолитами. Возможно, он бунтовщик или ренегат. Будем рассуждать. Деймолиты вторглись к нам много лет назад. Сначала они распространились везде, а потом почему-то ушли в горы.

Мне всегда нравилось в Никере то, что он прислушивался к голосу разума и старался быть последовательным.

— Ты на правильном пути. Но почему они ушли в горы, Никер? — улыбнулся я. — Как ты считаешь?

Поэт пожал плечами.

— Может, люди-маги перехватили инициативу. Ведь деймолиты принесли с собой хилу. Среди нас, людей, сразу появились те, кто способен ее использовать. А может быть, в стане деймолитов наметился раскол. Знаешь, словно бунт против короля и сложившегося порядка. Кто-то всегда хочет больше, чем имеет. Возможно, бунтовщики заключили с людьми союз. Тогда они тайно живут среди нас, как дядюшка Вилли, и поддерживают наших магов. Остальные деймолиты засели в горах, потому что чувствуют, что проиграют на открытой местности. Но, конечно, они все еще очень сильны. И, разумеется, хотят уничтожить всех бунтовщиков.

— Отличные рассуждения! Поздравляю! Они очень близки к правде! — я продолжал одобрительно улыбаться.

— Да? Я угадал? — радостно переспросил Никер.

— Ты все изложил очень логично, — я быстро закончил с первым бутербродом и принялся сооружать второй.

После завтрака я отправил двух вестовых: к Прасту, по поводу его невесты, и к моему недругу Понци. С последним мне приходилось сталкиваться несколько раз. Тщедушный завистливый человечек, он не производил впечатление великого бойца или полководца, однако был скуп и богат. Понци враждовал с Прастом много лет, и я подумал, что такая стойкая вражда к моему врагу окажется сильнее неприязни ко мне. Короче говоря, я предлагал Понци временный союз и указывал на явную экономическую выгоду: тот мог спокойно грабить земли Листа, пока виконт сидит в замке у Праста и вынашивает планы по уничтожению моей персоны.

Как-то Никер поинтересовался, почему мы поддерживаем хорошие отношения только с одним из соседей. Мой ответ был прост: без земли добряка Карла я кое-как могу обойтись, а остальные баронства — потенциальная цель. Я не собирался дружить с будущими врагами, чтобы потом неожиданно ударить в спину. Такая тактика хороша для крупных феодалов и монархов, которые не заботятся о репутации. Я же выращивал репутацию прямолинейного парня, на слово которого можно положиться и который не предаст. Вперед меня вела мечта, требующая для своей реализации обширные территории, войска, магов, деньги, а также имидж определенного рода. Впрочем, на мои планы влияла не только мечта, но и договор с Вилли, который хранился в шкапулке. Сразу после моего прибытия в Вигнолийский замок дядюшка предложил мне два варианта на выбор. Или я двадцать лет нахожусь в статусе «мальчика принеси-подай», или беру инициативу в свои руки и действую. Второй вариант пришелся мне больше по душе.

Вечером я спустился в подвал, чтобы проверить, так ли уж прочна та кожа, которую я, рискуя жизнью, раздобыл во Втором Северном. Дядюшка Вилли удивился, узнав, что по фабрике разгуливает дефектный страж, и предположил, что бункеру уже недолго осталось. По его словам, еще каких-то лет пятьсот и фабрики начнут выходить из строя одна за другой.

Может быть, Вилли и рассчитывал прожить столько, но я сомневался в своих силах и полтысячи лет ждать никак не мог.

У меня с первого раза не получилось создать прочную кожу. Я пошел по стандартному пути тестирования, принятому у магов, и изготовил «полуживую» шаровидную болванку, обтянутую кожей, которую собирался проверить. Люди создали и описали бесчисленное множество болванок на самые разные случаи. Например, если требовалось разработать сустав или челюсть, достаточно изготовить лишь часть тела, чтобы посмотреть, как образец будет работать на практике. Такой подход экономит хилу.

Кожу я проверял очень просто: стрелял из плохого арбалета. Если хила никак не хотела построить тот образец, который жил в моих мыслях после того, как я изучил добытый в бункере экземпляр и ознакомился с инструкциями, то это говорило лишь об одном: мысленный образ прочной кожи был несовершенным.

Вообще же, искусство изготовления големов в этом мире выглядело очень продвинутым. Люди организовали школы, академии, университеты, где изучалась магия — творение живого из неживого с помощью хилы. Эти заведения изредка выпускали довольно сильных магов, но в целом человеческие маги были серединка на половинку. Мое преимущество перед ними заключалось в том, что, во-первых, я мыслил иначе, а во-вторых, меня учил тот, кто сам мог создавать хилу.

Вторая попытка тоже оказалась провальной, как и третья. Я стал разбираться, в чем причины неудачи, и пришел к выводу, что дело может быть в форме чешуек или в их сочленении. Мне пришлось еще раз тщательно осмотреть найденный экземпляр, но он был настолько сухой, а чешуйки настолько тесно расположенными, что никак не получалось представить, как это точно должно выглядеть на нормальном живом теле. Все закончилось тем, что я принес в подвал увеличительное стекло и несколько книг, описывающих как големов, так и обычных животных. На эти книги в свое время я потратил кучу денег, чтобы сформировать более-менее приличную библиотеку. В связи с развитием знаний в области создания големов, местные ученые очень большое внимание уделяли строению тел животных, но совершенно игнорировали всякие технические вещи.

Выяснилось, что только у рыб встречается пять видов чешуи. Еще три вида — у рептилий, и столько же у млекопитающих. В конце концов я решил комбинировать различные подходы и смотреть, что получится. Сами по себе чешуйки экспериментальной кожи казались изумительно прочными, но взятые вместе они плохо держали удар стрелы. Имело смысл попробовать воссоздать разные виды сочленений и протестировать их.

Я начал с малого: поднялся наверх и поручил повару доставлять мне по одному экземпляру каждого вида рыб, поступающих на кухню. Крестьянские мальчишки, дети прислуги, получили задание найти несколько разных ящериц, змей и черепах. Я думал даже о том, что было бы неплохо раздобыть крокодила в качестве образца.

Когда наступил вечер, вернулись оба гонца с положительными вестями. Праст написал письмо, в котором крыл меня отборнейшей бранью, но в конце добавил, что на обмен Эмилии согласен. Проныра Понци живо интересовался, сколько еще времени пробудет виконт в гостях у Праста, и не хочу ли я взять их замок в осаду. Я, конечно, хотел, но сил для этого не было.

Кодекс гласил, что один землевладелец может напасть на другого только при наличии достаточных оснований, причем основания перечислялись: убийство родственника не на дуэли, самовольный захват земли, нападение на чужого вассала на его территории и тому

подобные ужасные проступки. Выходило, что Понци мог открыть военные действия против виконта, только обьявив себя моим союзником, других причин у него не было.

Я по привычке, заимствованной у дядюшки Вилли, подготовил договор. Там говорилось, что наш союз исключительно временный и длится до победы над Прастом и Листом, а Понци получает те земли виконта, которые сумеет захватить.

Мой гонец с текстом договора отбыл, когда уже совсем стемнело. Я вышел во внутренний дворик и проверил, как идут дела в кузнях.

Стоял ветреный вечер. Тучи неслись так стремительно, что не успевали толком закрывать луну. Горн работал лишь в кузне, принадлежащей Мику, и выбрасывал яркие искры вместе с дымом, малозаметным на фоне туч и темного неба. Мик больше не ругал своего подмастерье. По словам кузнеца, тот проявлял изрядную старательность.

Гвоздарь Юлий, копошащийся в соседней кузне, тоже ни на что не жаловался. Он делал вид, что заботливо смазывает свои машины, хотя несколько секунд назад тайком прикладывался к какой-то бутылке, которую спрятал в солому, завидев меня.

— Расскажи-ка, как ты додумался до таких чудесных устройств, — я подошел вплотную к одной из машин, чтобы полюбоваться ровными шестеренками, цепляющимися одна за другую.

— Я ж уже рассказывал, господин барон! — Юлий не мог стоять ровно, он вечно сгибался как вопросительный знак.

— А ты еще расскажи.

Юлий скосил глаза на солому, в которой таилась бутылка.

— Ну... я думал о гвоздях, когда помогал своему брату строить дом. У нас их было мало. Гвозди ведь дорогие. Некоторые доски связывали веревками. Держалось плохо, господин барон. А я, когда порезался о проволоку, вдруг подумал, что из нее можно понаделать гвоздей...

Я кивал, изучая длинное лицо Юлия. Его рассказ постепенно пополнялся новыми деталями, а некоторые прежние подробности там уже не помещались. Кузен превратился в брата, крыша поменяла форму, откуда-то взялись веревки. Я старался запоминать все версии изобретения машины по изготовлению гвоздей.

— И что, ты нигде не учился?

— Меня дядька обучил грамоте. Он писарем был.

— А счету?

— Счету тоже. Я умею считать, господин барон!

— Молодец! — я не поскупился на похвалу, хотя раз от разу все меньше верил Юлию. Скоро придется взять его в оборот, чтобы узнать правду.

Я поднялся на крепостную стену. С десятиметровой высоты открывался вид на поле перед замком, черную линию деревьев и небольшую извилистую речку. Мне нравилось смотреть отсюда. Мой замок пользовался популярностью у торговых людей, и часто днем можно было видеть, как неторопливо скользили повозки по желтым изгибающимся дорогам.

Но на этот раз я не успел насладиться закатом. В каком-то дюйме от моего лица в зубец стены врезалась стрела. Ее удар был настолько мощным, что на камне появилась небольшая светлая борозда. Похоже, под стеной притаился арбалетчик!

Я кинул быстрый взгляд вниз. Вроде бы никого не было видно, хотя неподалеку от замка стоял одинокий толстый дуб. Это единственное место, где мог спрятаться стрелок.

Я бросился вниз по лестнице, поднимая тревогу.

Выучка моих воинов оказалась на высоте. Тут же раздался громкий звон колокола, висящего в башне над воротами. Следом — резкий звук трубы. Двор тут же наполнился людьми. Солдаты гарнизона нахлобучивали доспехи. Ворота конюшни распахнулись.

— Вижу его! Он бежит к лесу! — заорал часовой с башни.

Я хотел вернуться на стену, чтобы посмотреть, но передумал, потому что все и так было ясно. Стрелок притаился около дерева, а лошадь спрятал в полоске леса около поля.

— Выпустить Вепря! — скомандовал я и повторил еще раз, погромче.

Солдаты, услышав приказ, попытались скрыть замешательство и подались в стороны, освобождая дорогу, ведущую от одной из больших двустворчатых дверей к воротам. Вепрь пользовался дурной славой, и, признаться, он ее заслужил.

Ворота закрипели и открылись, а отважный Алессандро отворил двери, ведущие в загон с големами. Все прислушивались к тому, как лязгнули засовы, удерживающие Вепря внутри клетки.

Алессандро вскоре вывел во двор невысокую гибкую тварь, чья тупоносая морда напоминала свиное рыло, а тело больше подходило для гепарда. Никто не хотел оказаться на пути Вепря, специализированного автономного голема, годящегося только для того, чтобы выслеживать и догонять убегающую добычу.

— Вепрь, миля, — Алессандро произнес кодовые слова, показал рукой направление и отстегнул цепь от железного ошейника.

Голем большими прыжками начал удаляться от замка, чтобы атаковать любого в радиусе мили, кто будет убегать. Кроме меня, Никера, Туссеана и дядюшки Вилли никто не знал, что мои автономные големы не совсем автономные, а иногда совсем не автономные. Вилли, в отличие от обычного человеческого мага, мог управлять сразу многими своими творениями, причем делать это на больших расстояниях.

За Вепрем последовал конный отряд, вооруженный арбалетами и массивными щитами. Когда имеешь дело с хорошим стрелком, лучше перестраховаться. Мы сначала резво понесли, но потом пришлось остановиться у самой кромки лесной полосы. Там голем настиг свою жертву.

Я видел работу Вепря несколько раз, но никак не мог привыкнуть к этому зрелищу. Голем обычно одним прыжком сбивал человека с ног или выбивал из седла, а потом принимался рвать зубами любые незащищенные доспехами части тела. Если панцирь защищал грудь жертвы, то Вепрь буквально вгрызался внутрь, начиная с шеи или лица. Он не пожирал плоть, а выплевывал ее. И сейчас зрелище поверженного стрелка было столь ужасно, что я отвернулся.

Алессандро отозвал голема и снова взял его на цепь. В боку у Вепря торчала стрела — знак того, что арбалетчик был мастером своего дела и сумел попасть в быстро бегущего зверя. Лишь Рупрехт осматривал труп, а остальные воины разглядывали деревья, траву или стены замка, борясь с дурнотой.

Наконец десятник оторвался от своего занятия и показал мне короткий меч, найденный у стрелка.

— Это человек Листа. Клеймо его кузнеца, — Рупрехт вытирал с рукояти меча кровь, которая была буквально повсюду.

Я кивнул, принимая сказанное к сведению.

— А как арбалет? Цел?

— Не совсем, но можно починить. Отличная вещь!

Что ж, во всем этом нашлось даже что-то положительное. Теперь у нас будет четыре хороших арбалета, а не три. Такое оружие ценится буквально на вес золота.

Однако меня беспокоил тот факт, что виконт Лист всерьез озаботился тем, чтобы спровадить некоего барона Арта на тот свет. Следовало предпринять безотлагательные меры, чтобы этому помешать. И, похоже, налаживание отношений с магичкой будет верным шагом.

Я обожал засады. Конечно, не те, от которых мне приходилось улепетывать сломя голову, а те, которые организовывал сам. Я послал трех стрелков подкарауливать Праста, но то ли барон изменил своим привычкам, то ли Розалинда что-то напутала, однако он так и не пересекся с моими людьми. Впрочем, я не терял надежды подловить его.

Следующий день прошел довольно плодотворно, только Эмилия приставала со своими шахматами. Она отстала только тогда, когда я показал ей аквариум с золотыми рыбками. Девушка пришла с восторгом. Еще бы — в воде, украшенной речными водорослями, неторопливо плавали четыре толстеньких красавца с большими золотисто-красными плавниками. Эмилия, конечно, захотела знать, где я добыл такое чудо. У меня мелькнула мысль честно признаться, что рыбки... ну, не совсем настоящие. Возможно, это усилило бы восторги, но, с другой стороны, зачем давать лишним людям информацию о широком фронте моих экспериментов? Пришлось сказать, что рыбки прибыли из Египта. После этого мы с Эмилией обсуждали фараонов и мумий, в которых девушка явно разбиралась. Что ж, еще одно доказательство тому, что, с точки зрения местных баронов, она никогда не станет хорошей домохозяйкой, потому что слишком много знает.

Зато через еще один день пришли положительные вести. Проньера Понци все-таки открыл военные действия против виконта, и Лист, узнав об этом, немедленно покинул замок Праста вместе со всеми своими магами. Я решил воспользоваться моментом и дать барону генеральное сражение.

Когда мы выехали из ворот замка, наша кавалькада представляла собой запоминающуюся картину. Более тридцати отлично вооруженных воинов, два мага, включая меня, двенадцать големов, из которых десять — автономные, и восемь телег, на которых с трудом помещалось все наше барахло, полностью запрудили хлипкие дороги.

Наш громоздкий багаж не утащили бы никакие лошади, и пришлось привлечь к делу пятерых транспортных големов. Они выглядели как безрогие волы и могли лишь тащить тяжести, повинувшись простейшим командам. Их изготовил дядюшка Вилли по моему заказу. «Волы», оснащенные выдающейся мускулатурой, на самом деле не могли обидеть и мухи. Я ведь тоже не доверял автономным големам и предпочитал узкоспециализированные варианты. Если голем создан для того, чтобы таскать тяжести, то пусть он только этим и занимается. Впрочем, существовала одна команда, которая приводила этих спокойных тяжеловесов в состояние бешенства, но ее следовало использовать только при захвате обоза противником. Я надеялся, что до этого не дойдет.

Мы нагло расположились прямо напротив ворот замка Праста. Этот замок отличался от моего количеством башен. У меня было четыре башни, нависающих над крепостной стеной, и еще одна над донжоном, а тут, если подсчитать, возвышалось семь башен: пять над стеной и две над донжоном.

Антуан взял на себя руководство над возведением частокола, железных и деревянных щитов, а также сборкой переносного требушета. Десятник еще не совсем выздоровел, но стараниями Гуссеана чувствовал себя значительно лучше.

Люди Праста панически забегали над воротами из одной круглой башенки в другую. Их ошалевшее поведение грело мое сердце. Наши арбалетчики заняли позиции за щитами, и тут же началась перестрелка. Я ожидал, что Праст вот-вот выскочит из ворот, и специально

поставил конницу сзади и левее требушета на случай прямого удара по нему. Големы находились справа. Громила остался дома, а мы с Туссеаном управляли подвижными двуногими големами, сильно напоминающими велоцирапторов. Этот облик — моя идея. Еще пять сходных по виду големов были автономными. Я держал их вдалеке, чтобы натравить на врага без ущерба для моих сил.

Однако Праст удивил, он почему-то не выходил из ворот. Мы уже установили требушет, уже начали загружать землей железные котлы двухтонного противовеса, а Праста все не наблюдалось.

— Где он? — озадаченно прошептал Никер, оглядывая зубчатые стены, с которых уже свалились два вражеских стрелка. — Он же не собирается позволить нам стрелять по замку из требушета?

Я тоже недоумевал, хотя в голове у меня крутилась забавная мысль: «А вдруг его нет дома?» Мы тут притащили оборудование для выманивания Праста наружу, изготовились к отражению атаки, а он бродит незнамо где!

Я дал сигнал к началу обстрела. Противовес тяжело ухнул вниз, разбрасывая заполнявшие его комья земли. Одновременно с этим длинный рычаг требушета взлетел вверх и послал каменное ядро в сторону замка. Вот уж не знаю, причинило ли оно какой-либо ущерб, но через крепостную стену благополучно перелетело.

— Может, он струсил? — предположил Никер, провожая взглядом второе ядро. — Ведь мы у него человек десять выбили, не меньше.

— Больше, — я обернулся к Рупрехту и крикнул: — Сделай погорячее!

— Щас! — Рупрехт взмахнул рукой в кожаной перчатке, показывая, что понял команду.

Третий снаряд представлял собой каменное ядро поменьше, завернутое в горящие пропитанные маслом тряпки.

— Если он и после этого не вылезет, тогда уж не знаю! — белый блестящий шлем смотрелся непривычно на голове Никера. Ему больше подходили береты.

Вражеские стрелки отстреливались вяло. Луки были бесполезны, а только очень хорошие арбалеты могли послать болт на такое расстояние. Антуан даже распорядился использовать лишь четыре наших лучших арбалета, чтобы экономить стрелы. Ракшан оказался одним из счастливицов, кому досталось такое оружие. Новобранец проявил себя на редкость умелым солдатом.

Над замком вскоре воспарил белый дымок. Похоже, загорелись крыши или склады чего-то горючего.

— Может, пойдем на штурм? — предложил Никер.

Я был бы рад пойти, да не с чем! Мой план заключался лишь в выманивании противника. Мы не взяли с собой ни тараны для ворот, ни длинные лестницы.

Рупрехт методично продолжал обстрел. Требушет выпускал по одному снаряду примерно за две-три минуты. Через какой-то час весь замок был охвачен дымом, а количество стрелков на стенах резко уменьшилось. Даже до нас долетала гарь, вызывающая кашель и жжение в глазах.

— Скажи-ка, Арт, — неожиданно спросил Никер, — помнишь, ты рассказывал о снарядах, вылетающих из больших трубок? Почему бы и нам такое не сделать? Представляешь, сейчас бы мы неплохо повеселились. Разнесли бы ворота к чертовой матери!

— Я год назад об этом рассказывал, — без энтузиазма уточнил я.

— Ну и что?!

— Много воды с тех пор утекло.

Никер вопросительно взглянул на меня, его любопытные глаза блестели под шлемом.

— Все дело в Китае, — пояснил я. — Если бы не он, то мы бы уже с этими трубками экспериментировали. А так — лучше повременить.

— При чем тут Китай?! Арт, объяснись! — Никер совсем отвлекся от лицемерия дыма над замком.

А дым между тем стал совсем черным. Он тянулся к белым облакам, словно пытаюсь запачкать их. Я подумал о том, что Никер мыслит в правильном направлении. Если бы у нас были хотя бы пушки, то это оказало бы решающее влияние на все сражения. Пушки годятся и для обороны и для нападения, а как замечательно они останавливали бы монструозных големов!

Я оглянулся по сторонам. Все занимались своими делами. Десятники особенно суетились: Рупрехт около требушета, Антуан возле стрелков, а Алессандро рядом с конницей.

— Ты же не читал труды Афинской академии, — ответил я. — А я читал. Все тома по истории и географии за последние двадцать лет. Специально заказал их.

— Помню, — кивнул Никер. — Ты два месяца угробил на эту муть.

— Может, эти два месяца нам жизнь спасли. Короче, суть в том, что был такой путешественник Аркадий Старший. Или он еще жив до сих пор, не знаю... Так вот, он два раза был в Китае и каждый раз писал подробные отчеты для Афинской академии. Во время первого визита его восхитили фейерверки, когда из трубки вылетал снаряд, который взрывался в воздухе и искрился. Было очень красиво. Фейерверки недавно появились, секрет принадлежал какой-то большой семье, и китайские князья и князьки заказывали их на праздники. Аркадий описал все с большим вкусом. Потом, через каких-то пять лет, он снова вернулся в Китай. И что ты думаешь? Фейерверков уже нигде не было! Аркадий заинтересовался, что случилось, и выяснилось, что всю семью, которая владела секретом, перебили. Все пятьдесят человек, живущих в разных городах! Секрет фейерверков оказался утерян.

Никер приподнял одну бровь, что означало недоумение.

— Может, случайность? Происки конкурентов? — спросил он.

— Я тоже так подумал, но на всякий случай навел справки. Пришлось порасспрашивать местных алхимиков, но это того стоило, они поведали удивительные вещи. Оказывается, только неподалеку от нас несколько алхимиков занимались поиском взрывчатых веществ. Двое из них по своей инициативе, а третий — по поручению барона Сигизмунда... знаешь его?

Никер кивнул:

— Да, он жил примерно в ста милях от нас, если ехать на восток. Убит лет пять назад.

— Не просто убит, а вырезан вместе со всеми домочадцами, включая того алхимика. Причем штурм не было, враг просто пробрался в замок, а потом ушел, ничего не взял, но разгромил комнаты алхимика.

— А остальные двое?

— Один убит прямо на улице перед своим домом. Дом сожжен. Другой погиб под пытками в деревенском амбаре, где он оборудовал место для своих опытов. Виновники не были найдены. В целом у всех алхимиков, с которыми я разговаривал, сложилось впечатление, что любые исследования взрывчатых веществ заканчиваются смертью

исследователя. А если кто-то финансирует эти исследования, то умирает и он, невзирая на титул. И такая фигня, похоже, везде. Поэтому я решил повременить с реформой оружия, пока не станет ясно, кто стоит за этими убийствами и зачем он их совершает.

В это время сломался требушет. Длинное плечо рычага треснуло, и ковш для снарядов повалился на землю. Солдаты быстро опустили противовес, а Рупрехт подбежал ко мне.

— Двадцать шесть выстрелов, господин барон! Неплохо, да?

В строительстве этого оружия я тоже помогал, чем мог, и даже придумал использовать в качестве противовеса котлы с почвой, чтобы не тащить тяжеленный груз. Двадцать шесть выстрелов, действительно, совсем неплохо для такого громоздкого сооружения. Я ожидал, что требушет протянет меньше.

Замок Праста дымил уже не так сильно. То ли крыши полностью выгорели, то ли люди барона кое-как потушили множественные пожары — не знаю. Но дым из черного стал сероватым и поднимался в небо не огромным потоком, а разрозненными струями.

Мы почти не понесли потерь, если не считать двух раненых. Вероятно, Лист забрал все хорошие арбалеты с собой.

Мне хотелось послать за лестницами и тараном, но это — лишние несколько часов, за которые могло случиться все, что угодно. Мог даже вернуться виконт на помощь своему союзнику. Конечно, мы заблокировали ворота, но кто сказал, что у Праста нет подземного хода, через который можно послать гонца? У меня, например, имелось целых три подземных хода, правда, все они проходили через логово дядюшки Вилли.

Я свернул лавочку и отбыл, но оставил наблюдателя, который спрятался в леске неподалеку. Дома меня ожидало послание от моего союзника, который предлагал сделать именно то, что я и так сделал: нанести удар по Прасту, как только виконт отведет своих людей. Проныра Понци почуял большую наживу, он явно рассчитывал, что если мой удар по Прасту будет достаточно силен, то виконт метнется обратно на помощь к барону. И мы с Понци начнем с разных сторон попеременно покусывать наших врагов. Письмо изобиловало вежливыми оборотами: «дорогой барон», «любезный друг», «ваш верный союзник» и тому подобное. Я подумал, что Понци ради большого куша способен на что угодно.

Мои эксперименты с непробиваемой кожей шли вперед довольно бойко. Я забраковал рыбью и змеиную чешую, но остался доволен одной безногой ящерицей, вроде бы медяницей. Ее чешуйки располагались примерно так же, как на сухом образце кожи. Я сумел воспроизвести это расположение на болванке, и первый же выстрел из арбалета оказался бесполезным — кожу он не пробил. Конечно, еще рано радоваться, ведь арбалет был слабеньким, но результаты обнадеживали. Я настолько восхитился первым успехом, что поделился им с Никером.

— Так что, ты собираешься сделать голема с тонкой кожей, но полностью неуязвимо для стрел? Зачем тебе такой? — спросил меня поэт.

Все-таки мысли Никера были скованы некоторыми рамками. Действительно, зачем мне голем с тонкой кожей, неуязвимый для стрел, если я могу хоть сейчас сварганить голема с толстой кожей? Он, конечно, будет неповоротлив, медлителен, но ни один болт из арбалета его не пробьет. Вся штука в том, что прочная тонкая кожа нужна была мне самому, и Никер даже не мог представить, как именно я ее собираюсь использовать.

За совместным ужином Эмилия робко поинтересовалась, как прошел наш поход на замок ее жениха.

— К сожалению, Праст еще жив, — ответил я, наливая доверху серебряный кубок моим

любимым соком из черного винограда. — Вас можно поздравить с таким живучим женихом. Но ничего, вода камень точит. Я бы рекомендовал вам уже присматривать себе нового мужа. Вот, например, Никер может помочь. Он знает всех завидных женихов в округе.

— Будь на моем месте другая женщина, она бы подумала, что вы над ней насмехаетесь, господин барон, — скромно ответила Эмилия, — но я вижу, что вы просто так шутите.

Пока я занимался исследованиями, объяснялся с Никером и ужинал с Эмилией, наступил поздний вечер. И неожиданно в мое скромное жилище появился Огдин, один из двух главных жрецов Фоссано.

Огдин въехал в белой карете, окруженной пятью воинами храмовой гвардии. Я бы не пустил обычного жреца в свой замок без проволочек, но сиятельный Огдин никогда не стеснялся, как бы это сказать... принимать от меня подарки.

Жрец оставил стражу во дворе и немедленно отправился в приемный зал, где я уже ожидал его, сидя в кресле с баронской короной. Огдин любил хорошо выглядеть и одевался как щеголь. Его белая накидка, вопреки канону, была расшита тонкой золотистой нитью, а борода блестела новой и дорогой краской, призванной скрыть седину.

— Барон, мой милый барон, что же вы натворили! — загудел Огдин хорошо поставленным голосом, призванным читать громогласные проповеди. — Мне стоило больших трудов выгородить вас!

Я смотрел на белое холеное лицо собеседника и пытался найти в себе хоть какие-то симпатии к нему. Но не находил.

— Да что же я натворил-то, ваше благочестие? Если вы о том, что позавчера в храме Фоссано рухнула крыша, то я тут ни при чем. Хотя не могу сказать, что крыша мне нравилась, как и само здание. А если вы о том, что с моей крепостной стены случайно свалилась статуя Многоединого, так об этом уже все забыли.

Никер возвел глаза к потолку, а Огдин сердито пожевал губами, скрытыми бородой и усами.

— Только из-за моего хорошего к вам отношения я прощаю вам эти манеры, да и то потому, что мы наедине, господин барон. Я привык к вашей иронии, хотя до сих пор не могу понять, что делала статуя Многоединого на крепостной стене. Впрочем, оставим это.

Легкое раздражение наполняло голос жреца, ему никогда не нравился мой стиль разговоров. Но я потратил на Огдина круглую сумму и считал, что купил свободу общения с этим человеком.

— Так в чем я провинился на этот раз перед церковью, ваше благочестие? — с любопытством спросил я.

— Вы совершили ужасный поступок, — Огдин покачал головой, на которой прочно сидела круглая синяя шапочка. — Я едва упробил коллегию не применять к вам немедленного наказания. Это ведь не шутка — сжечь достопочтенного Ромуальда, настоятеля Храма-на-Холме!

Никер замер с полуоткрытым ртом. Его взгляд, устремленный на меня, говорил лишь одно: «Арт, когда ты успел это сделать?! Я ведь почти всегда был с тобой!» Но и я, признаться, был озадачен. Сжечь настоятеля одного из трех храмов Фоссано — это действительно не шутка.

— В каком смысле я его сжег, ваше благочестие? Насмерть сжег? — вежливо поинтересовался я.

— Конечно, насмерть. От него мало что осталось, только обугленные кости, — вздохнул

Огдин.

Я подвигал свое кресло и смахнул со стола невидимую пылинку.

— Здесь какая-то ошибка, ваше благочестие. Я не сжигаю людей, даже тех, кто мне не нравится. Это — ваша прерогатива. Я закалываю, вешаю, рублю головы, но не сжигаю. И даже если бы мне захотелось предать достопочтенного Ромуальда изощренной казни, то я бы поборол это грешное желание. Мне часто хотелось раскроить ему череп, но даже и с этим желанием я справился!

Огдин поднял руки вверх и яростно затряс ими.

— Господин барон! Как вы можете так говорить о слуге Многоединого!

— Говорю только гипотетически, умозрительно, ваше благочестие. Чтобы подчеркнуть свою невинность. Зачем мне ему раскалывать череп? Это ни к чему. Он и так уже мертв.

Огдин смиренно сложил руки на груди.

— Вы неисправимы, господин барон. Мне приходилось иметь дело и со сквернословьями, и с богохульниками, и с еретиками, но вы — особенный случай. Подумайте о том, что вы будете делать, если вдруг не станет меня, вашего покровителя... Н-да... Но вернемся к нашей проблеме. Я не обвинял вас в том, что вы сожгли достопочтенного Ромуальда сознательно. Скорее, это получилось случайно. Он погиб, когда вы обстреливали замок Праста горящими шарами.

— Уф, — облегченно выдохнул Никер.

Я подозревал, что поэт не сразу поверил в мою невинность, а живо представил себе, как я пробираюсь ночью в храм, чтобы оглушить и поджечь неугодного мне настоятеля. Не скажу, что мне не понравилась эта идея, что-то в ней было заманчивое.

Огдин начал подробно описывать, что случилось в замке Праста. Оказывается, тот пригласил настоятеля для обсуждения одного территориального вопроса, а именно, чтобы расширить угодья Храма-на-Холме за счет земель некоего барона Арта. В обмен Праст просил сущую безделицу: усилить его храмовой стражей, ведь барон Арт известен как жадный человек, не готовый добровольно делиться своими землями.

— Праст одолжил виконту несколько своих людей, чтобы Лист поскорее покончил с Понци, — Огдин говорил громко и грамотно, изредка любовно приглаживая узкую бороду. — Никто не ожидал от вас такой прыти, господин барон, что вы тут же осадите замок.

— Так Праст все-таки был там, но струсил сделать вылазку?! — Никер хлопнул ладонью по столу. — Я знал! Догадывался!

Огдин благосклонно кивнул:

— Достопочтенному Ромуальду не повезло. Он как раз бежал в подвал, когда горящий шар поразил его. Настоятель упал на стог сухого сена. По секрету скажу, что некоторые из священников усматривают в этом руку Провидения. Особенно Тулуз, заместитель Ромуальда, который теперь будет настоятелем. Я попытался замять дело, и мне это частично удалось. Однако, господин барон, вам все равно придется дать объяснения перед коллегией. Вас вызовут.

— Церковь в вашем лице всегда поддерживала меня, и я считаю своим долгом поддержать церковь! — напыщенно произнес я, а Никер попытался подавить смешок.

— Петр! Принеси сто ливров! — я обернулся к небольшой двери, расположенной у меня за спиной.

Вскоре дверь без скрипа отворилась и в зал вошел мой бывший личный слуга, а теперь мажордом Петр, здоровенный черноволосый детина. Он без лишних слов передал мне

тяжелый кожаный мешок и удалился неуклюжей походкой медведя.

— Я хочу на условиях анонимности передать церкви этот дар, — я придвинул мешок к Огдину. — Но мне неизвестно, в чем церковь сейчас нуждается больше всего. Доверяю целиком вашей мудрости. Потратьте их, на что сочтете нужным!

Никер закрыл лицо руками, чтобы справиться со смехом. Бедный сын виконта, он так и не научился давать взятки с непроницаемым выражением лица.

— Непременно, — Огдин сгреб мешок и элегантно засунул его в складки мантии. — Но мне пора, господин барон.

Я проводил жреца до роскошной белой кареты. Уже готовясь садиться, Огдин вдруг обернулся ко мне и тихо спросил:

— Меня иногда мучают смутные сомнения, господин барон. А вы вообще верите в Многоединого? Признайтесь честно, это останется между нами.

Вот что я должен был сказать на это?! В четвертом веке до нашей эры в этом мире высадились деймолиты, и с тех пор знакомая мне религиозная история Земли полетела в тартарары. На территории Европы, Западной Азии и Северной Африки появился культ Многоединого. Кому-то пришла в голову грандиозная идея объединить эллинический политеизм с монотеистическим иудаизмом, в результате полученная религия стала напоминать окрошку, состоящую из кваса, молока, огурцов, колбасы, меда и других противоположных друг другу ингредиентов. Культ Многоединого утверждал, что все древнегреческие и древнеегипетские боги на самом деле являются частью и аватарами одного-единственного Создателя. То, что эти боги, по легендам, враждовали между собой, во внимание не принималось. Просто получалось, что Многоединый тысячелетиями сражался сам с собой без всяких на то причин. Мне казалось удивительным, как люди могли на полном серьезе верить в это, но, видимо, если с детства что-то вбивать в головы, то поверишь и не в такое. Мой ответ поразил Огдина искренностью.

— Почти каждый день я подолгу думаю о Многоедином! — я прижал руку к груди. — И восхищаюсь его пророками, которые сумели убедить людей пойти за ними!

Огдин посмотрел на меня с сомнением:

— По вам и не скажешь, господин барон, что вы способны думать о пророках.

Зря он так. Мне бы хотелось встретиться с этими парнями и взять у них несколько уроков ораторского мастерства.

— Ваше благочестие, у меня есть вопрос личного характера. Скажите, по вашему мнению, ангелы тоже являются частью Многоединого или нет?

Жрец уже занес ногу, чтобы опереться о подножку кареты, но остановился:

— Это вопрос с подвохом, господин барон. Сначала считалось, что да, являются, потом это стало ересью, а теперь даже не знаю... Я опасюсь раскола в церкви.

— А деймолиты считают, что являются, — вздохнул я.

— Что?! — глаза Огдина стали круглыми. — С чего вы это взяли, господин барон?

— Прочитал в одной книге, ваше благочестие. Там утверждалось, что поначалу деймолиты очень интересовались людскими религиями и даже много общались со жрецами.

— Господин барон! — зашипел Огдин, еще более снизив голос. — Примите мой совет: никогда и ни с кем это не обсуждайте, а ту книгу выбросите или сожгите! Есть вещи, о которых даже я не могу говорить.

В день, когда я собирался в Фоссано на свидание, в моем замке сломалась система подачи воды. Она была устроена довольно просто: архимедов винт крутился в трубе, ведущей на второй этаж. Волообразный голем ходил по кругу в подвале, вращая винт. На втором этаже вода текла через изогнутые тонкие трубки и нагревалась над очагом. У меня имелся даже кран-смеситель с холодной и горячей водой! Никто из моих соседей не мог похвастаться столь удобным водоснабжением. У них слуги таскали воду наверх и нагревали в больших котлах. Поломка испортила мне настроение, ведь вся эта система — моя идея. Если бы меня не отвлекали военные приготовления, я бы соорудил настоящий большой насос. На свидание мне пришлось идти в слегка расстроенных чувствах, ведь, как выяснилось, винт, подающий воду, лопнул и нуждался в замене.

Свидание должно было состояться в небольшом доме на втором этаже. Вокруг находились мои люди, а до места меня провожал прыткий Алессандро. Когда мы проходили мимо приземистого трактира, то слышали разговор припозднившихся путников.

— Праст поставит на место этого выскочку! — хриплый бас доносился из-за полуоткрытой грубо сколоченной двери.

Я сделал знак Алессандро остановиться. По общему мнению, в округе жил только один выскочка — барон Арт.

— Как бы он твоего Праста не поставил на кладбище, — отвечал невидимый мне баритон.

— Щас! У Праста людей больше, он всех знает, за него все горой, — парировал хриплый.

— За него все горой? — с насмешкой повторил баритон. — Почему тогда только Лист его поддержал?

— Не захотели связываться просто!

— О том и речь, — рассудительно согласился баритон. — Не захотели связываться.

— Вот увидишь, что Праст с ним сделает в ближайшие дни. Размажет его! — обладатель хриплого баса подошел к двери и попытался ее полностью открыть, чтобы выйти из трактира.

Но Алессандро в этот момент решил вмешаться в разговор, причем сделать это молча. Он изо всех сил ударил ногой по двери так, что она захлопнулась. Судя по грохоту и проклятиям, обладатель баса влетел внутрь трактира и крепко обо что-то приложился.

— Мелочь, а приятно, господин барон, — развел руками Алессандро в ответ на мой вопросительный взгляд.

Я наклонил голову, показывая, что пора двигаться дальше. Мы прошли три-четыре квартала, иногда почти спотыкаясь о неровности мощеной дороги, и остановились около двухэтажного каменного дома.

Алессандро постучал, и нас впустил Рупрехт. Со времени начала военных действия между мной и Прастом я не посещал Фоссано в одиночку, а всегда брал с собой сильную охрану.

— Все спокойно, господин барон! — отрапортовал старый десятник.

— Как только она появится, проводи ее наверх, — я начал подниматься по старой скрипучей лестнице.

Этот дом принадлежал моим торговцам Марку и его сыну и, после их смерти, похоже,

перешел ко мне ввиду отсутствия у купцов наследников.

В большой комнате я уселся за круглый стол напротив окна и стал в очередной раз обдумывать, чего ждать от предстоящего свидания. Мне нужно избавиться от Листа, но прямолинейный военный путь займет слишком много времени: виконт сделал ставку на магов и не прогадал. На него, по моим подсчетам, трудились восемь магов. Если бы я сейчас решил штурмовать замок виконта, то понес бы неприемлемые потери. Мне все равно, что с Листом произойдет. Меня устроит даже временное перемирие в сочетании с небольшими территориальными приобретениями.

Вскоре появилась и гостья. Когда я услышал шаги на лестнице, то встал и отошел к стене. Дверь, украшенная небольшим желтым ковром, распахнулась и на пороге возникла магичка. Она сбросила капюшон черного дорогого плаща, посмотрела на меня и... я понял, что Никер был прав. Виолетта выглядела настолько потрясающе, что тут не обошлось без длительной и тщательной подготовки. Едва заметные блески сверкали в волосах, на веках темнели легкие тени, красная помада на губах лежала идеально.

— Вот мы снова встретились, господин барон! — магичка мягко улыбнулась, от ее гнева на меня не осталось и следа.

— Присаживайся, — я показал рукой на старинный стул.

Мое доверие к гостье равнялось нулю, именно этим объясняются предпринятые мной меры предосторожности. Я назначил свидание в другом месте, но послал туда старушку Абель, бывшую ключницу замка Лиго, служившую еще при прежнем владельце. Старушка привела магичку к этому дому, который был оцеплен моими людьми. За обеими следовал соглядатай, который должен был подать мне знак, если бы заметил что-то подозрительное. Но, очевидно, Виолетта явилась сюда в одиночестве.

Девушка осторожно расположилась на стуле, небрежно бросив на пол плащ, который стоил несколько ливров. Я тоже сел. Нас отделял стол.

— Я никогда еще не встречала так хорошо поставленной охраны, — Виолетта смотрела на меня с любопытством в черных глазах. — Сначала вы назначили встречу на площади перед запертой ратушей, а неприметная женщина привела меня сюда. Кругом шныряли ваши шпионы. Дом охраняется как спальня короля. Интересно, где вы этому научились, господин барон? Ах, вы сели напротив! Это на случай, если я нападу на вас? На вас и кольчуга наверняка надета?

Вместо ответа я взял синюю бутылку и налил вино в два бокала. На столе лежали виноград и порезанные на дольки яблоки.

— Мне рассказали, что у тебя была непростая жизнь. Ты родилась в семье графа Мара, который умер, когда тебе было девять лет. Твоя мать умерла год спустя. Ты закончила хорошую магическую школу в Тулузе, но потом твой старший брат женился и оставил тебя без средств к существованию. Совсем. Тебе было четырнадцать лет.

— Вы проявляете подозрительную осведомленность, — магичка слегка прищурила глаза. — Кто вам все это рассказал? Тот, с кем вы заключили договор, как поговаривают?

Я взял толстый зеленый виноград и покрутил его в пальцах.

— Эта часть твоей жизни мне понятна и ясна, но дальше начинаются чудеса. Тебя приняли в Нимский университет. Допускаю, что это произошло из-за твоих способностей, но кто оплачивал обучение? Кто оплачивал твои расходы, которые были очень велики? Вот что интересно.

[Купить полную версию книги](#)